ГЛОБАЛЬНЫЙ ДИАЛОГ

3.1

БЮЛЛЕТЕНЬ

International Sociological Association

5 выпусков в год на 14 языках

Интенсификация морфогенеза

Маргарет Арчер

Как начиналась МСА

Интервью с Изабелой Барлинской

Современность и ислам

Риаз Хассан, Мохаммед Бамьех, Жак Каббанджи

- **Гендерный вопрос в современной России**
- **Перспективы публичной социологии в Украине**
- **Румынская зима протестов**
- **Румынская социология за пределами глобализации**
- ***CriticAtac*: румынский антикапиталистический манифест**
- **Проекту *Sociopedia.isa* три года**
- **Улучшить здравоохранение для всех**
- **Некролог: Иван Варга, 1931-2012**
- **Какие двери открывает “Открытый доступ”?**
- **Представляем индийскую команду редакторов**
- **Фотоэссе: выживание на границах**

ТОМ 3 / ВЫПУСК 1 / НОЯБРЬ 2012
www.isa-sociology.org/global-dialogue/

ГА

> От редакции

К вопросу о языке

Второй форум МСА состоялся 1-4 августа и прошел с большим успехом. Он собрал на экономическом факультете Университета Буэнос-Айреса 3600 участников, 55 исследовательских комитетов (ИК), тематических (ТГ) и рабочих групп (РГ). За успех этого дела нужно особенно поблагодарить Маргарет Абрахам (вице-президента по исследованиям и президента Форума), а также Изабелу Барлинску и команду секретариата МСА, Альберто Бялаковского и Алисию Палерно (председателя и зампредседателя местного оргкомитета). Не менее важны организационные навыки и усилия руководителей ИК, ТГ и РГ, который успешно справились с потоком заявок на участие в форуме. Мы покинули Буэнос-Айрес, вдохновленные трансконтинентальными дискуссиями, находясь под большим впечатлением от достижений латиноамериканской социологии, и уже начали готовиться к Всемирному социологическому конгрессу в Йокогаме в 2014 г.

Последний раз социологический конгресс проходил в Латинской Америке – в Мехико – в 1982 году. Как отметила Изабела Барлинска в интервью, опубликованном в этом номере ГД, во время той встречи местные участники бурно обсуждали вопрос о лингвистическом империализме английского языка. Вскоре испанский язык наряду с французским и английским стал официальным языком МСА. Теперь, 30 лет спустя, мы более успешно решаем лингвистическую проблему, обеспечивая синхронный перевод на пленарных заседаниях, выделяя пространство для испано-язычных заседаний, поли-лингвистических панелей и помогая друг другу в межъязыковой коммункиации.

За последние 30 лет наши встречи стали более открытыми по многим основаниям, не только в отношении языка коммуникации. Одновременно усиливается доминирование английского языка в качестве *lingua franca*, ему отдают все большее предпочтение, выбирая второй язык, и это происходит в глобальном масштабе. Несомненно, в такой ситуации есть свои преимущества: социология распространяется по всему миру, источники, данные и ресурсы становятся доступны все большему числу людей. Однако экспансия английского языка порождает неравенство: те, кто его не знает, в большей мере становятся исключенными, и возникает иерархия между теми, кто владеет языком. Свободное владение английским, в большей степени, нежели любым другим иностранным языком, является значительным преимуществом как в устной, так и в письменной коммуникации. Таким образом, владение английским становится знаком отличия не только в глобальном масштабе, но и в рамках национальных научных сообществ (там, где английский становится вторым языком).

Поскольку университеты вовлечены в процесс мировой конкуренции за символический статус (который влечет за собой материальное вознаграждение), перед ними стоит задача увеличить число публикаций сотрудников в международных изданиях. Это означает не просто публикацию на английском языке, но и проведение исследований в рамках конвенциональных подходов и парадигм социологического знания, которые довольно часто не находят отклика в местном сообществе, о котором пишет автор. Палестинский социолог Сари Ханафи сформулировал эту дилемму следующим образом:.: “Публикуясь глобально, погибаешь для своего сообщества, и наоборот: публикуясь в национальных изданиях, не существуешь для мирового сообщества» («Publish globally and perish locally OR publish locally and perish globally».) Чтобы решить эту дилемму, нужно быть билингвом, би-профессионалом, возможно, делать двойную работу, уметь общаться с различными аудиториями в своей стране и на международной арене. Это относится к самодостаточным социологиям США и ВБ не в меньшей степени, чем ко всем другим. В этом отношении Форум в Буэнос-Айресе установил новые стандарты глобальной социологии, расширив возможности многоязычного общения.

> “*Глобальный диалог*” доступен на 14 языках на сайте МСА

> Заявки присылать по электронной почте: burawoy@berkeley.edu

***Маргарет Арчер**, бывший Президент МСА, представляет своё видение социологии, изучающей вопрос морфогенеза – развивающегося взаимодействия социальной структуры и социальных агентов.*

***Изабела Барлинска** продолжает свой увлекательный рассказ о развитии МСА в последние 25 лет, начиная с перемещением Секретариата в Мадрид в 1987 году, где он и базируется поныне.*

***Эрнест Геллнер, Макс Вебер и Эдвард Саид** все фигурируют в дискуссии о современности и исламе, в которой здесь участвуют конфликтующие точки зрения Риаза Хассана, Мохаммеда Бамьеха и Жака Каббанджи.*

> Редакционный совет

Редактор:
Майкл Буравой

Исполнительные редакторы:
Лола Бусуттил, Август Бага

Заместители редактора:
Маргарет Абрахам, Тина Уйс, Ракель Соса, Дженнифер Платт, Роберт ван Крикен

Консультанты редакции:
Изабела Барлинска, Луи Шавель, Дилек Синдолу, Том Дуайер, Ян Фриц, Сари Ханафи, Хайме Хименес, Хабибул Хондкер, Симон Мападименг, Ишвар Моди, Никита Покровский, Эмма Порио, Йошимичи Сато, Винеета Синха, Беньямин Техерина, Чин-Чун Йи, Елена Здравомыслова

Regional Editors

Арабский мир:
Сари Ханафи, Мунир Сайдани

Бразилия:
Густаво Танигути, Хулиана Тонче, Педро Манчини, Селия да Граса Аррибас, Андреса Гальи, Рената Баррето Претурлан, Россана Мериньо

Колумбия:
Мария Хосе Альварес Ривадулья, Себастья Вильямисар Сантамария, Андрес Кастро Араухо

Индия:
Ишвар Моди, Раджив Гупта, Рашми Джайн, Удай Сингх

Иран:
Рейханех Джавади, Шахрад Шахванд, Сагхар Бозорги, Фатемех Могхаддаси, Наджмех Тахери

Япония:
Кадзухиса Нишихара, Мари Шиба, Косукэ Химэно, Томохиро Таками, Ютака Ивадатэ, Кадзухиро Икэда, Ю Фукуда, Мичико Самбэ, Такако Сато, Сёхэй Огава, Томоюки Идэ, Юко Хотта, Юсукэ Косака

Польша:
Миколай Мержеевский, Каролина Миколаевска, Якуб Розенбаум, Михал Хельминьски, Кшиштоф Губаньски, Эмилия Худзиньска, Юлия Легат, Камиль Липиньски, Адам Мюллер, Миколай Низиньски, Томаш Пёнтек, Анна Пекутовска, Анна Жезник, Конрад Семашко, Зофия Влодарчик

Румыния:
Косима Ругинис, Иляна Чинзьяна Баданау.

Россия:
Елена Здравомыслова, Анна Кадникова, Елена Никифорова, Ася Воронкова, Александр Кондаков

Тайвань:
Чжинг-Мао Хо

Турция:
Айтюл Касаполу, Нилай Чабук Кайя, Гюннур Эртонг, Йонджа Одабаш

Медиаконсультанты:
Анни Лин, Хосе Регера

> В этом номере

От редактора: к вопросу о языке **2**

О предназначении социологии в условиях интенсификации морфогенеза
Маргарет Арчер, Швейцария **4**

Как начиналась МСА
Интервью с Изабелой Барлинской, Испания **6**

> ДИСКУССИЯ

Дефицит в мусульманском мире
Риаз Хассан, Сингапур **9**

Ответ на статью Хассана: о сведении сложности к дефициту
Мохаммед Бамьех, США **12**

Ответ Хассану: ограничения «ориентализма»
Жак Каббанджи, Ливан **14**

> СОВЕТСКОЕ НАСЛЕДИЕ

Гендерный вопрос в современной России
Анна Темкина, Россия **16**

Перспективы публичной социологии в Украине
Лидия Куземска, Украина **19**

> СОЦИОЛОГИЯ В РУМЫНИИ

Румынская зима протестов
Каталин Огустин Стоица и Винтила Михайлеску, Румыния **20**

Румынская социология за пределами глобализации
Иоана Флореа и Делия Бадой (Румыния) **22**

CriticAtac: румынский антикапиталистический манифест **24**

> НОВОСТИ МСА

Проекту *Sociopedia.isa - три года*
Берт Кландерманс, Нидерланды **26**

Улучшить здравоохранение для всех
Эллен Кульманн и Клаус Вендт, Германия,
Иви Буржо, Канада **27**

Некролог: Иван Варга, 1931-2012 **28**

> СПЕЦИАЛЬНЫЕ КОЛОНКИ

Какие двери открывает “Открытый доступ”?
Дженнифер Платт, Великобритания **29**

Представляем индийскую команду редакторов
Ишвар Моди, Индия **30**

Фотоэссе: выживая на границах
Алексия и Эдвард Уэбстер, ЮАР **31**

> О призвании социологии
в условиях интенсификации морфогенеза

Маргарет Арчер, Федеральная политехническая школа в Лозанне, Швейцария, бывший президент МСА

Маргарет Арчер выступает перед Международной ассоциацией критического реализма в Лондоне в 2008 году.

Маргарет Арчер – первая и пока единственная женщина, занимавшая пост президента МСА (1986-1990 гг). Она стала пионером исследований социальных изменений как процесса «морфогенеза», понимая под этим серийное взаимодействие социальной структуры и социальных агентов, основанное на понимании культурного контекста. Начало такому подходу было положено ее исследованиями систем образования Франции и Англии, показавшими, как системы структурируют практики, которые, в свою очередь, вызывают перемены. Маргарет является автором большого количества работ, развивающих авторскую «реалистичную» социальную теорию, имеющую последователей по всему миру. В течение многих лет она преподавала в университете Уорвика, а в настоящее время руководит Центром социальной онтологии Федеральной политехнической школы в Лозанне.

Социология появилась на свет в поиске ответов на четыре вопроса: Каково происхождение общества, в котором мы живем? Что происходит в обществе в настоящее время? Куда мы движемся? И: что делать? Это все реалистичные вопросы, так как имеется реальный социальный мир с реальными качествами, населенный реальными людьми, которые коллективно произвели прошлое и чьи каузальные возможности уже сейчас задают контуры будущего. Вебер видел призвание социологии, в частности, в ответе на вопрос, отчего дела обстоят именно «так», а не «иначе». Те, кто разделяет это убеждение, не смогут принять заключение Бодрийяра о том, что «все, что нам осталось – это играть с фрагментами (pieces)», что Ибн-Халдун мог бы назвать признаком декадентствующей цивилизации.

Еще более разрушительным, чем «игривость» постмодернистов, может быть дробление на «части». Вся социальная жизнь, – на микро-, мезо-, макро-уровнях, – взаимосвязана и упакована таким образом (comes in a SAC, что понимание любого социального явления невозможно без учета взаимоотношений между S (структурой), A (agency, действующей силой) и C (культурой).

Оставим в стороне обсуждение определений и предложим следующий мыслительный эксперимент: исключите структуру – и контексты взаимодействий превратятся в калейдоскоп случайностей; опустите понятие культуры – и мы лишимся репертуара идей для толкования ситуаций, в которые попадаем; оставив за пределами концептуализацию «действий и зависимости», мы не сможем объяснить существующий социальный порядок. Социология обязана принимать во внимание соотношение этих категорий и возникающие в результате социальные конфигурации. Дробя социальное на отдельные части, а затем распыляя их, слишком многие социальные теоретики отреклись от своего профессионального долга и стали гробовщиками, выписывающими свидетельства о смерти каждому из компонентов SAC. Более того, через

>>

эти «смерти» любая составная часть мира лишается инструментария, необходимого для объяснения положения вещей: ответа на вопрос, почему все «так», и каким образом могло бы быть «иначе».

Что касается категории «структура», современные теории «деструктурации» заменяют этот концепт понятием «потока». Метафора текучести указывает на абсолютную неподконтрольность социального. Сначала были провозглашены общества «убегающие», «подвластные сокрушающей силе» (Джаггернаут) и общества «риска», однако половодье уже набрало силу и вливается в море саморегулирующихся феноменов, которые осмысливаются в рамках теории «сложного общества» (complexity theory). Однако непригодность этой объяснительной модели стала особенно заметна сейчас, в ситуации экономического кризиса, когда обнаружила свое существование прежде закрытая часть структуры. Теперь мы знаем гораздо больше о структурировании глобального финансового капитала и его сложных связях с наднациональными и суверенными правительствами, чем когда бы то ни было до 2008 г. Твердыня социальной структуры не обратилась в прах. Однако ее проявления – деривативы, ипотечные залоги, операции с валютой и торговля долговыми обязательствами - требуют больших усилий в понимании, чем фордизм.

Поскольку структурные позиции, отношения и интересы действительно носят комплексный характер, средства массовой информации опростили и персонифицировали кризис, рассуждая о бонусах банкиров, тем самым помогая жадным дельцам в погоне за прибылью. Движения «Оккупируй!» демонстрируют нехватку социологического инструментария. Являются ли они протестом против мер строгой экономии или же самой системы глобального финансового капитализма? В то время как Лондон не дает однозначного ответа, Женевское движение проводит регулярные семинары, позволяющие осмыслить возникающие вопросы. Объединения неортоксальных экономистов, в целом, пока были более полезны, чем социологические рассуждения. Где наш анализ, сравнимый с тем, который сделал Стефано Замани о разрушительных воздействиях на экономику работ последних десяти лауреатов Нобелевской премии в этой сфере? Каков наш вклад в развитие дискуссии о гражданской экономике?

Вышесказанное приводит нас к «культуре» и той огромной роли, которую сыграла TINA (HEA) («there is no alternative» - «Альтернативы нет») в попытках вернуться к «привычному ведению дел». «Культурный поворот» в социальных науках обращает основное внимание на дискурс, однако кризис не может быть сведен только к дискурсивному. Гегемония дискурса вытеснила концепт идеологии, отправив его прямиком в мусорный бак – хранилище орудий тех зомби, которые по-прежнему говорят о классовой войне. Тем самым было утрачено критически важное сочетание идей и интересов, которые лежат в основе политики легитимации. Утрачены также концептуальные основания критики, не только как экспрессивной активности (ее еще много), но как ресурса социальной мобилизации (отсутствие которого укрепляет позиции HEA). Ирония заключается в том, что в то время как потоки уже превращаются в наводнение, в социологии сохраняется упрямое желание цепляться за привычный, диспозиционный хабитус и рутину, невзирая на их несоответствие радикальным переменам. Тем не менее, как первыми отметили великие американские прагматики, проблемные ситуации – повивальные бабки рефлексивных инноваций.

В довершение всего, наиболее серьезной методологической проблемой является «смерть субъекта», стертого, как сказал Фуко более сорока лет назад, «как лицо, начертанное на песке у кромки моря». С тех пор гуманистическое лицо социологии стирали самыми различными способами: личности обращались в пустые грифельные доски для самозаполнения (Герген), в многократно изобретающие себя самости (Бек), наконец, были разжалованы в категорию «актантов». Со смертью субъекта такие его атрибуты, как интенциональность, рефлексивность, забота и самоотдача, также прекратили существование, а вместе с ними и свойственная только человеку способность предвидеть, каким образом социальная реальность может стать иной.

Лишь немногие встали на защиту человеческих свойств и потенциалов. Именно эти идеи вдохновили Эндрю Сэйера (A.Sayer) на написание превосходной книги «Почему вещи имеют значение для людей» (*Why Things Matter to People*). Социология сохраняет интерес к гуманитарным темам, но ее подход весьма ограничен. Такие темы, как одиночество и изоляция, являются гораздо менее популярными, чем маргинализация и исключение, хотя эти феномены являются значимыми приметами развитого мира, которые последний активно экспортирует. Социологи также гораздо более сильны в акцентуации человеческой приверженности к страданию, а не к изучению преуспевания. Мы слишком слабо продвигаем такое направление, как, скажем, «социология устремлений», во многом ограничивая себя изучением насущных биологических потребностей. Отчего не существует социологии радости, совсем мало упоминаний моментов восторга или полной удовлетворенности и почему счастье отнесено к ведению экономики? Ответ на эти вопросы – непременное условие для социологии, стремящейся сделать вклад в определение того, что такое процветающее гражданское общество.

Сегодня ведущий троп – это «текучий модерн», однако метафоры ничего не объясняют и часто вводят в заблуждение (вспомните механические, органические и кибернетические метафоры общества). Частные теории изменений уделяют внимание какому-то одному элементу SAC: «культура» обернулась «информационным обществом», «структура» – «глобализованным капитализмом» или «империей», а «движущая сила» (agency) – «институциализированным индивидуализмом» «рефлексивной модернизации». Каждая из теорий изымает один компонент (эмпирически наиболее привлекательный), принимает его в качестве основного и ложно уравнивает с генеративным механизмом перемен. Вместо этого, мы должны исследовать синергию элементов SAC и их позитивную обратную связь, которые и делают социальный морфогенез процессом, интенсифицирующим перемены – в самом прямом, а не метафорическом, смысле. ■

> Как начиналась МСА:

интервью с Изабелой Барлинской

Изабела Барлинска и Маргарет Абрахам, вице-президент МСА по вопросм исследований, обсуждают серьёзную проблему на форуме в Буэнос-Айресе, август 2012.

В предыдущем выпуске *“Глобального диалога”* (2.5) мы узнали, как польская студентка Изабелла Барлинска начала работать в МСА и постепенно стала незаменимым координатором, регулирующим деятельность Ассоциации. Во второй заключительной части интервью доктор Барлинска рассказывает нам историю превращения МСА в ту мощную организацию, какой она является сегодня.

МБ: Мы прервались на том, как Вы в Амстердаме сопровождали известного писателя, Рыщарда Капущинского. И тогда, в конце 1986 г. Фернандо Энрике Кардозо, бывший в то время президентом МСА, предложил Вам работу исполнительного секретаря, с условием, что Вы переберетесь в Мадрид, чтобы основать новый офис. И Вы так и сделали..?

ИБ: Да, я приехала сюда в Мадрид в январе 1987 г., одна, не зная ни слова по-испански. Мне нужно было основать новый офис. Наверное, только молодой и неопытный человек мог согласиться на подобное задание. Я очень слабо представляла себе, что это значило. Я приехала с большим контейнером, заполненным моими чемоданами и бумагами МСА, чтобы занять место в Испанской Академии наук. Штаб-квартира МСА обосновалась в Мадриде по приглашению испанского министра образования, но помещения, предназначенные для размещения ассоциации, еще не были отремонтированы.

МБ: И Вы делали все в одиночку?

ИБ: Единственным моим помощником был Серджио Контрерас, коллега из Чили, который тоже работал в секретариате МСА сначала в Монреале, а затем в Амстердаме. Он говорил по-испански и приехал помочь. И вот мы вдвоем пытались наладить работу нового офиса. Было очень трудно. Я учила язык, общаясь со строителями. Огромным плюсом было то, что я познакомилась с людьми из Министерства образования. Мне надо было подготовить документы для официальной регистрации МСА, но поскольку секретарши не могли говорить со мной по-испански, меня направляли прямо к начальникам. Так я познакомилась и подружилась с людьми, занимающими высокие позиции в социалистическом правительстве Испании; я ходила в горные походы с друзьями из поколения тех, кто боролся за власть вместе с Филипе Гонсалесом.

>>

МБ: Наверное, им было интересно общаться с Вами – Вы же приехали из Польши.

ИБ: О Польше много говорили в то время. Все понимали значение «Солидарности» как силы, борющейся против авторитарного режима. В Испании совсем недавно был разрушен авторитаризм. Так что Польша, или по крайней мере оппозиция, имела среди испанских социалистов того времени хорошую репутацию.

МБ: Но в основном Вы были предоставлены сами себе. Срок работы Кардозо подошел концу, и президентом МСА стала Маргарет Арчер.

ИБ: Маргарет избрали президентом в 1986 г. на Всемирном конгрессе в Нью-Дели. Она была первой и до сих пор является единственной женщиной-президентом МСА. Мы вместе работали и стали друзьями.

МБ: А что было самым трудным, когда Вы сюда приехали?

ИБ: Потребовалось время, чтобы обустроиться и организовать офис на новом месте. Как только мы, так сказать, приземлились, тут же началась подготовка Всемирного социологического конгресса 1990 г. в Мадриде. Это означало присутствие большого количества латиноамериканцев, вследствие чего испанский стал третьим языком Ассоциации.

МБ: Только тогда? Я думал, это решение было принято в Мехико в 1982 году.

ИБ: В Мехико мы столкнулись с протестом – все были возмущены тем, что Конгресс проходил не на испанском языке. Но признание испанского как официального языка МСА произошло гораздо позже. Т.е. новый испаноязычный контингент присоединился к МСА во многом благодаря самому факту переезда секретариата в Мадрид. У нас не было никаких особых технологий – в офисе уже появился первый компьютер, но все было совершенно не так, как сейчас. Сложность была в том, что если в целом Испания как страна и конкретные люди были настроены очень дружелюбно по отношению к Конгрессу и к Ассоциации, но были и такие испанцы, которые хотели… как сказать… использовать Ассоциацию для своей карьеры и в своих интересах. И это было довольно неприятно для всех. По моим ощущениям, от такого отношения МСА тогда серьезно страдала. И сам мадридский конгресс прошел довольно напряженно, и не только потому, что все проходило в трех разных зданиях Университета Комплутенсе, без кондиционеров, в раскаленном от жары Мадриде.

МБ: Это был конгресс, на котором президентом был избран индийский социолог Т.К. Ооммен?

ИБ: Да. Результаты выборов принесли реальные сложности для МСА, поскольку некоторые местные социологи надеялись, что президентом станем испанец. Одним из неожиданных последствий было то, что МСА оказалась вычеркнута из реестра министерства внутренних дел Испании, где она было формально зарегистрирована и нас выдворили из помещения в Академии наук. И на некоторое время офис поселился на этой самой террасе, где мы сейчас сидим.

МБ: Итак, МСА нужно было снова переезжать – и как же это разрешилось?

ИБ: Ну, нам повезло, факультет политических наук и социологии Университета Комплутенсе щедро предложил нам офис. Поддержка Мигеля Ангела Руиза да Азуа, президента Национального союза социологов и политологов, была неоценима. И это было также хорошо в том смысле, что для секретариата было лучше быть в университете, в окружении коллег – социологов, студентов и активного академического сообщества.

МБ: Но как МСА выживала в материальном смысле?

ИБ: Не забывайте, что МСА переехала в Испанию по приглашению министра образования и была договоренность, что секретариат получит финансирование в форме дотаций от испанского правительства, как это было в Монреале и Амстердаме. И в течение шести лет испанское правительство было очень щедро по отношению к нам. Но тут деньги закончились. И начались дискуссии – что делать дальше? И нельзя сказать, что у нас было много вариантов. В то же время появился интернет, имейл. И все стали понимать, что, в общем-то, неважно, где вы находитесь. Было решено, что мы останемся в Испании. И мы остались. Но, напоминаю Вам, с тех пор вся деятельность МСА была на полном самофинансировании.

МБ: И это поразительно!

ИБ: Да, и это благодаря грамотному ведению дел и очень ограниченному штату. Конечно, в то время было меньше дел и меньше членов. Но все равно это было серьезной переменой в жизни МСА, поскольку секретариат перестал переезжать из страны в страну каждые четыре года.

МБ: Но это также означало, что теперь Вы могли сформировать свою команду?

ИБ: Да. Начо (Хосе Игнасио Регуера) начал работать у нас еще до конгресса 1990 г. И как ни странно я познакомилась с ним через польских знакомых. Когда у нас был офис в Академии наук, у меня был маленький Фиат с польскими номерами. И как-то раз я нашла на лобовом стекле маленькую записку по-польски: «я приглашенный профессор из Польши, работаю в институте физики, может быть, мы можем встретиться?». Я подумала, почему бы и нет. Оказалось, что это Яцек Карвовски, профессор из Торуньского университета. Мы сразу подружились. С ним, его друзьями и семьей мы изъездили всю Испанию, потому что, не забывайте, в то время я думала, что проведу в Испании только четыре года. И так я нашла Начо, который работал там же в Институте физики.

МБ: И он открыл МСА мир персональных компьютеров,

>>

имейла и Интернета?

ИБ: Начо делает для МСА базы данных. Он знает все. Он преданный, заботливый, творческий, прекрасный человек. Очень ценное приобретение для МСА, особенно в современном мире компьютеров и социальных медиа. Я говорю ему, что нужно делать, и он делает. Мы с ним на одной волне.

МБ: Наверное, здесь будет уместно задать Вам вопрос о повседневной работе Секретариата.

ИБ: Повседневная жизнь - это утомительная работа, с кучей мелочей. Но, как говорится, дьявол кроется в деталях. Это может показаться скучным; в тоже время важно не утратить перспективу.

МБ: Перспективу ...

ИБ: ... Ассоциации, того, как она должна развиваться и почему люди связываются с нами, пусть даже только для того, чтобы сообщить о перемене адреса. Но обновлять адреса очень важно, потому что назавтра мы можем получить запрос от другого коллеги, который захочет связаться с автором интересного резюме, увиденного на сайте конгресса МСА.

МБ: Вы связываете людей друг с другом.

ИБ: Да, это сеть обмена для многих людей, сформированная за многие годы кропотливой повседневной работы. Сегодня она включает 5000 активных членов, плюс еще 3000 контактов в базе данных. И еще есть сложная структура более чем 60 исследовательских комитетов, рабочих и тематических групп, 60 национальных социологических ассоциаций, коллективных членов. В этом кроется огромный потенциал и важно его использовать и обращаться с ним правильно.

МБ: Что Вы имеете в виду?

ИБ: Исполнительный комитет МСА определяет цели и политику ассоциации, а Секретариат должен их исполнять. Нельзя забывать, что большинство наших членов - не являются носителями английского языка, и мы должны быть очень внимательны в формулировке наших сообщений, в заполнении сайта МСА. Чем более технически продвинутым становится сайт, тем труднее его использовать в тех странах, где есть проблемы с электричеством. Никогда нельзя забывать об этих различих и неравенстве. Действительно, мы испытываем очень особые чувства, сидя в нашем маленьком офисе в Мадриде, но при этом в окружении людей со всего мира. Это осознание способности помочь другим для нас очень ценно.

МБ: Да. И сколько сейчас людей у Вас работает?

ИБ: Всего четверо; кто-то на полную ставку, кто-то частично. И хотя у каждого из нас своя зона ответственности (членские взносы, база данных и обновление вебсайта, объявление программ конференций и Т.П.), нам удалось создать команду, заинтересованную в создании международной сети социологов по всему миру.

МБ: Да, и в этом Вы очень преуспели! Президенты МСА очевидно также сыграли здесь важную роль. Давайте вернемся к хронологии. Ооммен был президентом между 1990 и 1994 гг., и во время его правления вы пережили потерю офиса.
Следом был Билефельдский конгресс 1994 г, когда президентом был избран Иммануил Валлерштайн.

ИБ: С Иммануилом в МСА пришли большие перемены, ибо он принес Интернет и имейл в повседневную жизнь Ассоциации; ну и, конечно, во всем мире это тогда началось тоже. Иммануил сам использовал новые технологии и был очень активен. У него была масса хороших идей, он хотел быть президентом, и это было оправданно. Эти годы стали очень важными для МСА. И с ним было очень интересно работать. Но и до того были хорошие времена. Во времена президентства Маргарет Арчер – непростые, в силу местной ситуации – мы, тем не менее, учредили журнал МСА «International Sociology» и Всемирный конкурс начинающих социологов. То есть, даже в то трудное время были новые начинания, которые после продолжились.

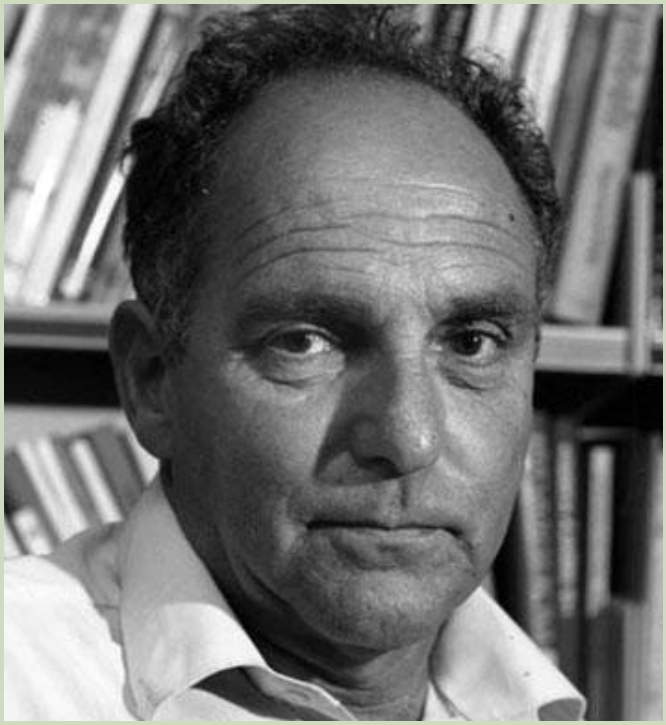
МБ: Полагаю, в этом и сложность – начинать новые вещи и продолжать старые.

ИБ: Ну, как говорится, если они все еще хороши.

МБ: Изабела, большое Вам спасибо за это интервью. Я знаю, Вам совсем не хотелось попадать под свет рампы. Вы всегда старались держаться в тени, но членам МСА очень приятно и интересно общаться с Вами, узнавать об МСА и о том, как организовывалась работа секретариата Ассоциации в течение этих двадцати пяти лет. Спросите любого президента МСА, и все признают, как сильно МСА зависит от Изабелы Барлински. И от лица всех членов МСА – настоящих, бывших и будущих – я бы хотел высказать Вам самую искреннюю благодарность за все, что Вы сделали и продолжаете делать! ■

> Почему мусульманский мир страдает от дефицита свободы, развития и знаний?

Риаз Хассан, Институт исследований Южной Азии, Национальный университет Сингапура



Эрнест Геллнер (1925-1995): "ислам, одна из трех великих западных монотеистических религий, находится ближе всего к новому времени («модернити»)."

В своей фундаментальной книге «Мусульманское общество» Эрнест Геллнер смело утверждает: «Универсализм, грамотность, духовное равенство, расширение участия в духовной жизни сообщества не одного человека или группы людей, а всех вместе, и рациональная систематизация общественной жизни – по всем этим очевидным критериям ислам, одна из трех великих западных монотеистических религий, находится ближе всего к новому времени («модернити»)» (Gellner, 1983: 7). Он утверждает, что если бы арабы победили в битве при Пуатье и решились на завоевание и исламизацию Европы, мы все зачитывались бы «Хариджитской этикой и духом капитализма» Ибн Вебера, который окончательно продемонстрировал бы, как современный рациональный дух и его отражение в бизнесе и бюрократии могли возникнуть только в результате нео-хариджитского пуританизма в Северной Европе, сменившего христианство ввиду «неотъемлемой склонности этой веры к барочному, манипулятивному, покровительствующему, квази-духовному и беспорядочному видению мира» (Gellner, 1983: 7).

Но случилось иначе. Сегодня любой желающий может без труда собрать данные Организации Объединенных Наций и Всемирного банка, чтобы продемонстрировать острый дефицит свободы и ограничения социального и экономического развития в мусульманском мире. Такое положение дел привело к напряженной дискуссии о причинах этих проблем. Социальные исследователи объясняют ситуацию такими факторами, как теология и культура ислама, нефть, арабская культура и институты, палестино-израильский конфликт, характерные для географии пустынь поселения и институты , слабое гражданское общество и подчиненное положение женщин.

> Дефицит развития

Пожалуй, наиболее острые дискуссии о причинах экономической отсталости и демократического дефицита в мусульманском мире сводятся к вопросу о том, является ли ислам их основной причиной. Что касается экономической отсталости, данные свидетельствуют, что до того, как баланс сил сместился в после европейской экспансии в XVII веке, экономика Ближнего Востока развивалась так же динамично, как в Европе. Мусульманские торговцы были столь же успешными в торговле и путешествовали в такие же удаленные уголки мира, как их европейские коллеги. По словам историка экономики Ангуса Мэддисона, в 1000 году доля Ближнего Востока в мировом ВВП была больше, чем доля Европы: 10 % по сравнению с 9 %. К 1700 году доля Ближнего Востока упала до 2 %, а в Европе возросла до 22 %. Среди западных ученых, стандартным объяснением такого падения является то, что Ислам враждебен к торговле и запрещает ростовщичество. Однако такое объяснение неудовлетворительно, поскольку исламские священные писания гораздо более благосклонны к коммерции, нежели христианские тексты, а ростовщичество Тора и Библия трактуют одинаково. Пророк Мухаммед и его первая жена Хадиджа были успешными купцами. Многие мусульмане, однако, винят в своей экономической отсталости западный империализм. Но почему тогда некогда могущественная цивилизация поддалась Западу?

Турецко-американский экономист Тимур Куран (Kuran, 2011) убедительно отвергает эти и подобные объяснения. Он приводит впечатляющие эмпирические доказательства того, что замедление экономического

>>

развития на Ближнем Востоке не было результатом колониализма или географического положения или несовместимости ислама и капитализма. Этот автор ищет объяснений в исламских законах об экономическом партнерстве (контракте) и практиках наследования имущества. Эти институты усилили ближневосточную экономику в первые столетия распространения ислама, но, начиная примерно с десятого века, начали тормозить экономическое развитие, замедляя или блокируя возникновение ключевых особенностей современной экономической жизни – накопление частного капитала, становление корпораций, крупномасштабное производство и безличный обмен.

Исламский деловой контракт, основной организационный механизм ведения дел мусульманских купцов, может быть расторгнут волей одной из сторон, и потому даже успешные предприятия закрывались в связи со смертью одного из партнеров. В результате большинство предприятий оставались мелкими и работали недолго. Самые прочные и успешные деловые партнерства в мусульманском мире находились в управлении местных не-мусульман. Обычаи наследования препятствовали консолидации бизнеса, поскольку после смерти мусульманского торговца его имущество делилось между оставшимися в живых членами семьи, что мешало накоплению капитала и препятствовало становлению крупных капиталоемких компаний. Согласно исследованию Курана, организационная стагнация в итоге помешала мусульманской торговой общине конкурировать с западными коллегами.

> Дефицит демократии

Исследование экономиста Гарвардского университета Эрика Чейни (Chaney, 2011) развенчивает теорию о том, что причины демократического дефицита кроются в исламе, арабских культурных моделях, прерогативе нефтедобычи, арабо-израильском конфликте или экологии пустыни. Чейни наглядно демонстрирует, что дефицит демократии – то есть распространенность автократии в мусульманских арабских странах – действительно существует. Однако он является продуктом долгосрочного влияния структур контроля, сформировавшихся после периода арабских завоеваний. В девятом веке правители всего региона начали использовать вместо коренного населения рабов для комплектования своих армий. Эти армии рабов позволили правителям добиться независимости от местных военных и гражданских групп и помогли устранить препятствия на пути становления суверенной власти в досовременных (pre-modern) исламских обществах. В возникшей автократической среде религиозные лидеры оказались единственной инстанцией, способной влиять на власть правителей. Такая сложившаяся институциональная конфигурация, поделившая власть между суверенами, опиравшимися на армию рабов, и религиозную элиту, была не способна произвести демократические институты. Вместо этого религиозная и военная элиты работали вместе над развитием и укреплением того, что Чейни называет «классическим» институциональным равновесием – на который часто ссылаются как на «исламский закон» – предназначенным для продвижения и защиты интересов этих элит.

Религиозные лидеры якобы разработали «институты равновесия» для защиты интересов широкой общественности, но в действительности эта институциональная конфигурация привела к господству многовековой автократии. Правители стали полагаться на армии рабов, избавив себя от зависимости от гражданских институтов. Религиозные лидеры сотрудничали с армией в установлении политической системы, продемонстрировавшей свою враждебность альтернативным центрам власти. Современная концентрация власти и слабость гражданского общества являются глубоким наследием этой исторической институциональной структуры в регионах, завоеванных арабскими армиями и остававшихся под исламским правлением с 1100 года нашей эры.

С другой стороны, регионы, вошедшие в исламский мир после завоевания неарабскими мусульманскими армиями (как, например, Индия и Балканы), и те регионы, где ислам распространился через обращение в веру (например, Индонезия, Малайзия, страны Африки южнее Сахары), политически развивались иначе. Их институты продолжали формироваться под влиянием местных элит, сохранивших политическую и культурную преемственность. Следовательно, дефицит демократии остается наследием в арабском мире и на землях, завоеванных арабскими армиями и остававшимися под властью ислама с 1100 года нашей эры. При этом в исламских странах, включенных в исламский мир неарабскими мусульманскими армиями или путем конверсии в ислам, развитие демократических институтов шло по более прогрессивному пути.

> Дефицит знаний

В числе 200 лучших университетов мирового рейтинга по версии Times Higher Education на 2012 год нет ни одного университета 49 основных мусульманских стран, население которых составляет 1,2 миллиарда человек или 17 % от населения мира. Это привычная картина многих лет, означающая серьезный академический и интеллектуальный кризис. Для сравнения, в США с населением, составляющим менее 5 % от мирового, находится 75 университетов из первой 200-ки.

Ряд факторов может объяснить этот кризис, наиболее важными из которых являются скудные ресурсы, выделяемые в мусульманских странах на исследования и новые разработки. Научные бюджеты Организации исламского сотрудничества (ОИС) находятся в самом низу мировых показателей. Согласно последней оценке, основанной на данных ЮНЕСКО и Всемирного банка, в период с 1996 по 2003 год среднегодовые траты на

>>

исследования и разработки в ОИС составили 0,34% от их ВВП. Это намного ниже, чем средний мировой показатель в 2,36% за тот же период. Многие страны ОИС, особенно богатые, тратят больше средств на вооружение, чем на науку или здравоохранение. Шесть из десяти стран, имеющих наибольшие военные расходы в мире, это страны ОИС: Кувейт, Иордания, Саудовская Аравия, Йемен, Сирия и Оман потратили более 7% своего ВВП на вооружение. В то время как расходы на науку остаются одними из самых низких, расходы на образование более вариативны. Например, Малайзия, Саудовская Аравия, Йемен, Марокко, Тунис и Иран вошли в числе 25 стран, вложивших наибольшие средства в образование в 2002 (Butler, 2006).

Согласно «Индексу образования» Всемирного банка, 15 стран ОИС (включая несколько африканских стран, Бангладеш и Пакистан) вошли в число худших в 2002 году. Низкий уровень инвестиций в науку и технологии также находит свое отражение в низких научных показателях, включающих уровень распространения научных статей и работ исследователей. В 2003 году в среднем в мире было произведено 137 научных статей на миллион человек. В ОИС этот показатель составил всего 13. Ни одна страна ОИС не достигла средних мировых показателей. Кроме того, за исключением Турции и Ирана, количество статей, написанных в 24 странах ОИС, о которых имеются данные, либо осталось на прежнем уровне, либо снизилось. Рейтинг публикаций Турции вырос с примерно 500 статей в 1988 году до 6000 в 2003 году. В случае Ирана низкий уровень, исчислявшийся менее чем 100 статей в год, за десять лет вырос до почти 2000 (Butler, 2006).

Очевидное частичное объяснение этой ситуации заключается в недостаточных государственных инвестициях в образование и НИОКР. Другой важной причиной нынешнего затруднительного положения также могут быть превалирующие культурные и политические практики. Такие страны как Корея, Сингапур, Тайвань, Китай и Индия, достигли заметных успехов в области науки и технологий и в настоящее время стоят в ряду крупных развивающихся экономик. Высшие учебные заведения процветают в странах с сильным гражданским обществом, основанным на институциональном и идеологическом плюрализме, достаточно укоренившимся, чтобы успешно противостоять центральным государственным институтам в борьбе за власть и истину. К сожалению, этого нельзя сказать о мусульманских обществах. Большинство из них имеют слабое и неразвитое гражданское общество.

Во многих мусульманских странах существует еще одно, и все возрастающее, препятствие. Некоторые из этих стран подпадают под все большее давление со стороны религиозных фундаменталистских движений в навязывании системы знаний, совместимых с их версиями исламских доктрин, как правило, враждебных критическому рациональному мышлению. Это душит условия, необходимые для развития и роста университетов. Сильное гражданское общество является необходимым условием для развития стран, основывающихся не на тирании навязываемых убеждений и верований, а на общественном порядке, открытом к сомнению и компромиссу. Наука и техника процветают только в условиях приоритета разума и естественного мира.

В экономике знаний третьей промышленной революции создание капитала будет опираться в первую очередь на «умные индустрии». Страны ОИС почти не производят патентов и остаются одними из самых незначительных экспортеров высокотехнологичной продукции. Эти научные, технологические и интеллектуальные условия будут иметь далеко идущие социально-экономические последствия. Интеллектуальная стагнация в мусульманских странах заключает значительную часть человечества в постоянное рабство. Создавать условия и стратегии, способствующие развитию высшего образования и остановке снижения его качества, – это наиболее актуальная задача. Только это позволит обеспечить достойные жизненные условия для будущих поколений мусульман. Пожалуй, это самый большой вызов, стоящий перед правительствами мусульманских стран сегодня.

Как эта ситуация выглядит в свете событий «Арабской весны»? Определяет ли история судьбу? Можно отметить некоторые оптимистические тенденции, предполагающие, что у арабского мира есть шансы вырваться из своего автократического прошлого. За последние 60 лет регион претерпел структурные изменения: повысился уровень образования, урбанизации и индустриализации, что сделало его более восприимчивым к демократическим переменам и поспособствовало этим переменам в гораздо большей степени, чем в любой другой исторический момент. Восстания «Арабской весны», начавшиеся в 2011 году, беспрецедентны для истории региона. Это не исключает появления в таких странах, как Египет и Йемен, политического баланса повторяющего традиционный вариант. С другой стороны, такие страны, как Турция, Албания, Бангладеш, Малайзия и Индонезия, с большей вероятностью, чем арабские страны, бросят вызов истории. Однако и там уровень бедности и слабые институты гражданского общества остаются препятствиями на пути демократических преобразований. ■

Ссылки

Butler, D. (2006) “The Data Gap: Statistics on scientific investment and performance are lacking across the Muslim world.” *Nature*, vol. 444: 26-27.

Chaney, Eric. (2011) *Democratic Change in the Arab World, Past and Present*. Harvard University Department of Economics and Brookings Institute.

Gellner, E. (1983) *Muslim Society*. Cambridge: Cambridge University Press.

Kuran, T. (2011) *The Long Divergence: How Islamic Law Held Back the Middle East*. Princeton: Princeton University Press.

> Ответ на статью Хассана:

о сведении сложности к дефициту

Мохаммед А. Бамьех
Питтсбургский университет, США, редактор International Sociology Review of Books

Макс Вебер (1864-1920). “Ещё со времён Макса Вебера вопрос о том, почему другие народы мира не уподобились Европе, скорее утерял, чем приобрёл концептуальную ясность.”

Любому должно быть очевидно, что дефицит «свободы», «развития» и «знания» - понятия вполне определённые. Но одновременно они являются сложными (комплексными): их оценка целиком и полностью зависит от их определения, а определения могут значительно различаться. Трудно представить удовлетворительное описание любого из вышеупомянутых понятий в рамках одной-единственной короткой статьи. Тем более сложно представить обсуждение всех перечисленных концептов на одном дыхании, с их историей длиною в десять веков, захватывающей весь громадный мусульманский мир. Поэтому неудивительно, что Риаз Хассан не только не предлагает ничего нового по данному вопросу, но, к несчастью, делает картину ещё более запутанной. И, к несчастью, он делает это как раз в революционный период, когда новые перспективы анализа не только необходимы, но и возможны. В конце концов, подобные перспективы позволяют использовать новейшие знания в области социологии и антропологии мусульманских обществ, движений и институтов.

Вместо того, чтобы ссылаться на новые источники, как этого можно было ожидать, Хассан воскрешает устаревшие взгляды, которые много раз выявляли свою нерелевантность в современном контексте. Начнём с того, что ещё со времён Макса Вебера вопрос о том, почему другие народы мира не уподобились Европе, скорее утерял, чем приобрёл концептуальную ясность. Данный вопрос у Хассана не начинается с размышления о том, как в различных обществах могли бы развиваться функциональные формы гражданского порядка (а из подобного рассуждения мы могли бы действительно что-то узнать). Вместо этого рассмотрение вопроса начинается с подхода к неевропейским обществам как к «проблеме», которой необходимо решение — уподобление Европе. И даже если признать этот вопрос законным, то различных ответов может быть очень много, как должным образом отмечает Хассан, и следовательно, к этому вопросу нужно подходить с аккуратностью, тонкостью и терпением. К примеру, социальные историки мусульманского мира хорошо осведомлены о том, как по-разному люди следуют исламским экономическим законам и как эти законы открыто нарушаются, иногда с исключительного разрешения религиозного истеблишмента. Трудно допустить то, что Тимур Куран адекватно объясняет всю историю исламской экономики: простой взгляд на текст исламского закона не может дать информации о том, как он выполнялся (или не выполнялся) на практике в разных средах в разные периоды времени. (Более подробную

>>

информацию можно найти у Грана, Абу-Лугода, Оуэна и многих других.)

Мусульманский мир велик, стар, сложен и чрезвычайно разнообразен. Те, кто изучал этот мир как эмпирическую единицу, вскоре обнаруживали, что чем больше данных они собирали, тем более неоднородными эти данные оказывались. Например, Моатаз Фаттах (2008), изучавший мусульманское отношение к демократии по всему миру, пришёл к тому, что я бы назвал первичной посылкой, а конкретно — к выводу, что мусульманский мир представляет собой несколько разных миров. Сам Хассан приводит свидетельство о том, что мусульманский мир неоднороден и не может рассматриваться как постоянная единица в данном исследовательском контексте. Однако, как ни странно, это наблюдение не отражается на анализе Хассана. Удивительно также, что исследователь остаётся при мысли, что ислам как-то связан с дефицитом знаний или даже несёт за него ответственность. Несмотря на это, Хассан приводит два исключения из этой тенденции (Турция и Иран), которые остаются необъяснёнными, как и всё в его схеме, что выходит за рамки его грандиозных, но предельно упрощенческих тезисов.

В то время, как исследователи располагают существенными свидетельствами того, что именно колониализм стал фундаментальным фактором, определяющим отделение экономического развития от ислама и движения в европейскую сторону, Хассан с одобрением, без критики, цитирует авторов, которые отрицают какое либо влияние колониализма. Когда в другом источнике демонстрируется неоднородность мусульманского мира с точки зрения демократии, Хассан объясняет эту неоднородность с помощью другого весьма проблематичного тезиса Эрика Чейни, который гласит, что дефицит демократии среди мусульман следует связывать с арабской политической культурой и арабскими социальными структурами.

Удивительно, что этот тезис (подкреплённый отрывочным историческим нарративом, который, благодаря цитированию Чейни, может быть понят и противоположным образом) подаётся Хассаном в качестве достаточного объяснения дефицита арабской демократии именно сейчас, когда арабский мир переживает величайшие демократические революции современной истории! Этот тезис также не учитывает ни одного из общемировых опросов общественного мнения, касающихся демократических настроений. Эти опросы, начиная с 2001 года, показывают, что мусульманам в целом близки основные понятия, ассоциирующиеся с демократией. К примеру, серия опросов на сайте Gallup, проведённая в странах с мусульманским большинством, где проживают 80% мусульман мира, показала, что в этих обществах существует сильная поддержка таких понятий, как политическая свобода, права человека, справедливая судебная система, свобода слова. К тому же по наиболее ключевым индикаторам мусульманское отношение к демократии и свободе мало отличается от показателей по другим странам, особенно по США (см. Esposito and Mogahed, 2008). Все эти свидетельства попросту игнорируются, и вместо этого Хассан ссылается на недостаточно определённые предпосылки, которым недостаёт эмпирической поддержки.

В общем, при попытках объяснить современные условия языком исторических традиций нужно быть особенно осторожным. Тех, кто жил в XIII веке, например, едва ли можно обвинить в недостатке поддержки либеральных ценностей, как мы их понимаем сегодня. Но общество прошлого можно подвергнуть анализу, уделяя внимание тому, что было важно для этого общества тогда. До эпохи современности (как бы мы её ни определяли хронологически) вопрос социального порядка у мусульман и немусульман был частью систем взаимных обязательств, развивавшихся в течение нескольких столетий. Для этих систем государство имело гораздо меньшее значение, чем сегодня (см., напр., Lapidus, 2002). Таким образом, тот факт, что некоторая группа, к примеру, теологи , занимала ключевую роль в досовременных гражданских культурах, не может быть предметом осмысленной дискуссии в терминах современной демократии. Подобные факты поддаются обсуждению лишь в контексте того, что мусульманство породило множество подвижных гражданских культур, общественная жизнь которых была организована в разных обстоятельствах и в разные периоды времени.

Если истории вообще суждено играть роль во всём нашем анализе, нам понадобятся не упрощённые формулы, а богатый опыт исторической социологии. Она покажет, что мусульмане всегда стремились придать значение своей общественной жизни в различных социальных условиях, а также то, что они смогли создать “конвивиальное” (ориентированное на сосуществование — convivial) (как его назвал Оливье Руа) чувство религии. Ислам — «конвивиальная» религия — включает в себя множество важных свобод и принципиальное принятие различия, а не только один-единственный догмат. Мусульманам не понадобилось заимствовать у Европы, например, понятие плюрализма. «Конвивиальная» традиция долгие столетия была повсеместной нормой. Но принцип принятия различия, как и другие свободы, ассоциирующиеся с «конвивальной» парадигмой, вышел из употребления в тот момент, когда Европа пришла к мусульманам в форме «современного» колониального управления, а затем — в форме мощных постколониальных государств. В форме современного, а не древнего авторитаризма.

Понимание данной широкой исторической картины даст нам осмысленную историческую социологию, имеющую некоторое влияние на сегодняшние установки. Ничто так не запутывает ситуацию, как осуждение древних за то, что они не создали демократическую культуру, не подготовили нас к ней или вовремя не превратились в европейцев.

Источники

Abu-Lughod, J. (1989) Before European Hegemony. New York: Oxford University Press.

Esposito, J. and Mogahed, D. (2008) Who Speaks for Islam? What a Billion Muslims Really Think. New York: Gallup Press.

Fattah, M. (2008) Democratic Values in the Muslim World. Boulder: Lynne Rienner.

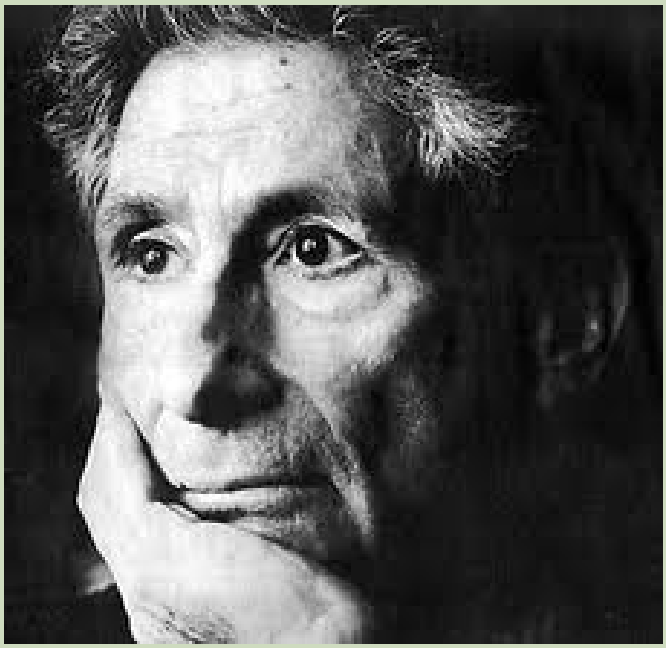
Gran, P. (1979) Islamic Roots of Capitalism: Egypt, 1760-1840, Austin: University of Texas Press.

Lapidus, I. (2002) A History of Islamic Societies. Cambridge: Cambridge University Press.

Owen, R. (1981) The Middle East in World Economy: 1800-1914. London: Methuen.

> Ответ Хассану: ограничения “ориентализма”

Жак Каббанджи, Ливанский университет, Бейрут, Ливан



Эдвард Саид (1935-2003). “По словам Саида, различия между Востоком и Западом в ориенталистской традиции описываются в культурно-эссенциалистских терминах. Запад является современным обществом, в то время как Восток всё ещё находится в борьбе со своими религиями (особенно с исламом) и историей.”

С конца 2010 в городах и сельской местности во множестве арабских стран стали возникать народные восстания. Несмотря на то, что до сих пор сложно предсказать, чем закончится эта цепь возмущений, ясно одно: так население выражает свое намерение отказаться от деспотизма и авторитаризма как своей судьбы. Оно также, по крайней мере частично, заявляет о себе как об общественно-политическом акторе, «народе». Несмотря на то, что эти восстания характеризуются спонтанностью, они отличаются также своей социально-политической «массивностью» (масштабностью). «Народ» как таковой вышел из «состояния беспомощности», к которому его приговорили многие учёные арабского мира. Это помимо всего прочего представляет собой вызов для самых устоявшихся академических традиций в изучении ислама и арабских обществ.

С 60-х годов эти традиции называются «ориентализмом». Этот термин получил распространение после издания одноименной книги Эдварда Саида в 1978. Однако сама идея восходит к 1963 году, когда Анвар Абдель-Малек опубликовал новаторскую статью «Кризис ориентализма» (Orientalism in Crisis). Ориентализм — это интеллектуальный подход к восточным обществам, исходящий из западной перспективы. История и современность этих обществ понимаются и анализируются как исключительные и самопорождающиеся. По словам Саида, различия между Востоком и Западом в ориенталистской традиции описываются в культурно-эссенциалистских терминах. Запад является современным обществом, в то время как Восток всё ещё находится в борьбе со своими религиями (особенно с исламом) и историей.

Эрнест Геллнер и Бернард Льюис, два выдающихся американских исследователя ислама и «мусульманских» обществ, являются яркими представителями ориенталистского взгляда на арабский мир. С их точки зрения, мусульманская культура (и идеология) и специфическая история ислама необходимы для понимания «мусульманского общества», во всей его уникальности. Льюис, к примеру, недвусмысленно заявляет: «Было испробовано множество средств — оружие и фабрики, школы и парламенты — но ни одно не принесло желаемого результата. Кое-где они принесли некоторое облегчение, и где-то — ограниченным слоям населения — некоторую пользу. Но все эти меры не смогли выправить или хотя бы приостановить разрушительный дисбаланс между исламом и западным миром».* По Геллнеру, мусульманское общество представляет собой слабое государство с сильной культурой.

Отсюда следует, что понимание мусульманских обществ

>>

основано на специфическом подходе, который объявляет саму религию, в этом случае ислам, ключевым понятием, играющим роль при анализе этих обществ. Этот подход не применяется к немусульманским обществам, так как те не подлежат определению через свою религиозную «идентичность». Таким образом, в научном дискурсе, за исключением отдельных этнографических исследований, сложно найти «христианские общества» или «буддистские общества» как аналитическую категорию. Факт редуцирования мусульманских обществ до религии требует сравнительных доказательств. Более того, Вебер, оказавший влияние на подходы многих исследователей к обществу и религии, подчеркивает, что ни одна экономическая этика не определялась исключительно религией. Почему же тогда это правило применяется только для «немусульманских» обществ?

Мы продемонстрировали неадекватность «эссенциалистского», или «ориенталистского», взгляда. Теперь мы должны задаться вопросом о том, что препятствует переходу «мусульманских» обществ к современности. Этот вопрос обычно является отправной точкой для концепций, в которых развитие представляется как линейный процесс: если индустриальный капитализм преуспел на Западе (а также в других обществах), почему же он не имел такого же успеха в мусульманско-арабских обществах?

Чтобы ответить на этот вопрос, некоторые учёные используют ответы международных организаций. Согласно Хассану, «экономическая отсталость» и «дефицит демократии» особенно характерны для арабских обществ. Автор утверждает, что экономическая отсталость обусловлена не колониализмом, географией или несовместимостью, а специфическим «мусульманским законодательством» по вопросам партнерства и наследования. Но тогда мы должны спросить, почему те мусульманские общества, которые начали вводить позитивное законодательство, начиная с XIX века (например, Оттоманская империя – Турция- и, в меньшей степени, Иран), и, позднее, в XX веке до сих пор не смогли преодолеть эту отсталость?

Обращаясь к «дефициту демократии», Хассан утверждает, что его первопричиной являются контролирующие структуры, получившие свое развитие на протяжении столетий после арабских завоеваний. Таким образом, «подобная концентрация государственной властии слабых гражданских обществ обеспечивает непреходящее наследие этой исторической институциональной структуры» (Чейни, цит.Хассана). Эта гипотеза не идеальна. Во-первых, она не поддерживается современной историей. Во многих крупнейших обществах развитие никогда не было в первую очередь продуктом демократических структур или «цветущего гражданского общества». В противоположность высказанному тезису, Южная Корея и Бразилия (а также, до некоторой степени, Турция) были вынуждены пройти через процесс индустриализации, находясь в состоянии диктатуры и жертвуя жизнями и правами огромного количества трудящихся. Далее: что можно сказать при таком подходе о Китае? Встраивается ли он в «западную» парадигму, где «демократия и гражданское общество» являются необходимыми условиями развития?

Во-вторых, «тирания прочно укоренившихся убеждений и верований» не мешает «развитию или современности». Достаточно посмотреть на то, что происходит в сфере развития «знания и высшего образования» в арабских странах. Американские университеты, или, по крайней мере, американские программы и способы обучения, приобретают широкую популярность в арабском регионе. Американский английский — гегемонный язык и гегемонная система ценностей. Всё это происходит в рамках недемократических властных структур и в условиях тирании ригидных верований. Более того, ислам как религия и идеология, кажется, вполне мирно сосуществует с этим положением дел.

Очевидно, что ислам является центральной категорией для понимания «мусульманского» и арабского мира. Но, к сожалению, в большинстве случаев он воспринимается как идеология. Поэтому такое представление об исламе становится препятствием для объективного подхода к изучению общества. Говоря методологическим языком, арабский мир является частью глобальной системы, что препятствует узко национальному характеру развития. Эта ситуация приводит к «революционным» восстаниям снизу: появляются открытые рынки, более или менее свободно циркулирующие идеи, происходит гомогенизация институтов и рабочих мест. Любой процесс развития в этой системе ограничен, и ислам может быть мобилизован силами политики и экономики для того, чтобы оправдать существование и живучесть системы. Это те силы, которые также определяют поведение ислама на рынке и в публичной сфере. С другой стороны, арабские революции показали, что основные запросы населения не имеют особенной религиозной, т. е. мусульманской подоплеки. Напротив, центральные демократические, политические и экономические требования выказывают явное предпочтение светскому государству, обеспечивающему социальную справедливость. Вот почему попытка «исламизации» послереволюционного периода парадоксальным образом производится ради социальной справедливости и экономической реформы, а не для полного внедрения мусульманского законодательства. Восстания дали простым людям возможность политического волеизъявления и открыли пространство для новых задач. Мы же, социальные ученые, должны разработать новые аналитические инструменты, так как старые, особенно ориенталистские, уже продемонстрировали свою неадекватность. ■

[1] Lewis, B. (2002) *What Went Wrong?* New York: Oxford University Press, pp.151-2.

> Гендерный вопрос в современной России*

Анна Тёмкина, Европейский университет в Санкт-Петербурге, Россия

Феминистская панк-группа Pussy Riot исполняет антикремлевский панк-молебен на алтаре московского Храма Христа Спасителя.

На протяжении двух последних десятилетий исследователи и активисты обсуждали вопрос о том, уместно ли использование термина «гендер» в российском контексте. Часто они приближались к тупику, пытаясь понять, в чем же состоит гендерная повестка дня, поскольку женщины в целом не дискриминируемы, аборты разрешены, экономическая независимость и даже некоторое политическое представительство у женщин имеется. Разумеется, констатировалось наличие множества проблем, но ни одна из них по большому счету не могла претендовать на то, чтобы заинтересовать значительно число граждан, воспринимающих эти проблемы как свои личные и одновременно как политически значимые.

Однако за последний год гендерная повестка начала быстро оформляться, и нас интересует вопрос, в чем это выражается, и почему это происходит. Заметим, однако, что сам вопрос ее формирования ускользает пока от общественного внимания.

> Гендер и символическое насилие

Итак, во-первых, сам термин «гендер». Малозаметный, чуждый и режущий слух многим, незаметно проник в политический дискурс. И не только в те зоны, где он вроде бы и на месте, например, при обсуждении законодательного оформления гендерного равенства. Гендер проник туда, где его особенно не ждали и не замечали, а именно - в религиозный дискурс. И проник туда с резко отрицательным знаком, как синоним чуждости и запада, угрозы и вызова. Это произошло при обсуждении мало замеченного гражданами закона о гендерном равенстве, которому пришла пора с 2003 года оказаться на обсуждении в Думе в 2012 (http://ruskline.ru/analitika/2012/02/06/roditeli_protiv_svobody_pola/)

Закон, который, как можно было бы ожидать, будет принят в рабочем порядке, мало привлекая внимания и мало на что реально влияя, оказался угрозой. Равенство при этом не отрицается, но неуместным оказывается его законодательное оформление и применение к нему гендера как концепта. Что же за угрожающий потенциал несет в себе гендер? Почему и кому во втором десятилетии 21-го века опасно гендерное равенство, давно уже ставшее нормой во многих (но далеко не во всех) сферах российского общества? Гендерное

>>

равенство становится политическим вопросом, но не потому, что его не хватает (хотя и поэтому тоже) и за него приходится бороться, а потому, что возникают силы, которые обозначают его как угрозу и заявляют об этом на политическом уровне. Сто лет назад в России и Европе происходили похожие процессы, хотя и без данного термина.

> Права человека – интерпетация и политика

Второе. Незаметно для широкой общественности в конце 2011 года прошло обсуждение поправок в закон об охране здоровья, направленных на существенное ограничение доступа к абортам. Всколыхнулись некоторые феминистские организации, прокатились компании в интернете и даже на улицах. Большинство поправок было отклонено, и причины тому не вполне ясны. Ну не группы же с плакатами остановили сторонников поправок. Мало серьезных обсуждений было даже в академических кругах. Обсуждать поправки было трудно, слишком много нелогичностей и терминологических неясностей. Демографы, врачи и социологи объяснили в очередной раз, что уменьшать число абортов нужно продвижением современной контрацепцией, а не запретительными мерами. Но это ни для кого не новость уже более пятидесяти лет. Ответом на данные аргументы, как правило, становится апелляция к моральным ценностям/геноциду русского народа (См., например, комментарии к http://www.chaskor.ru/article/gorod_sankt-peterburg_i_nashe_obshchestvo_gotovyatsya_k_zapretu_abortov_29496 Доступ 25 10 12, а также комментарии к первой версии данного текста на полит.ру).

Гендерная повестка (а вопрос об абортах – это центр повестки, аккумулирующий остроту столкновения прав женщин и прав нерожденного ребенка, приватного и публичного, контроля и ответственности) все более набирает символическую силу, а значит, и потенциал для реального эффекта. Эффект имеет и экономическое, и социальное измерения, поскольку по-разному влияют на разные классы. Высшие слои от таких законов страдают в минимальной степени (они всегда могут заплатить), а низшие - в максимальной. Таким образом, внесен еще один вклад в повестку дня, в актуализацию гендерной тематики.

Осенью 2012 депутаты петербургского ЗакСа рассматривают законопроект парламентария В Милонова “О наделении эмбрионов правами человека” “Прямо про аборты там не говорится, но там сказано, что основные права и свободы человека возникают с момента первого сердцебиения. Следовательно, любой аборт будет рассматриваться как убийство, — пояснил Кобринский (депутат от партии Яблоко). — При этом там не идет речь о том, чтобы эмбрион, например, распоряжался своим имуществом через законных представителей, хотя это следует из данной нормы” (http://www.rosbalt.ru/piter/2012/09/10/1032374.html) Через 10 дней публикуется поистине загадочный комментарий юриста Санкт-«Петербург, 21 сентября. Женщины сохранят право на аборт в том случае, если в Конституцию внесут поправки о наделении эмбрионов правами. Как передает корреспондент «БалтИнфо» из Мариинского дворца, такое заключение сегодня на заседании комитета по законодательству петербургского парламента сделала доцент кафедры конституционного права ФИНЭКа Светлана Миролюбова, выступившая в качестве эксперта» (http://www.baltinfo.ru/2012/09/21/Nadelenie-lyudei-pravami-s-momenta-zachatiya-ne-predpolagaet-zapreta-na-aborty---yurist-305641)

Третье. Закон о запрете на пропаганду гомосексуализма и педофилии среди совершеннолетних. Вступил в силу в ряде регионов, в т.ч. в Петербурге в 2012 году (http://www.vedomosti.ru/politics/news/1531621/poltavchenko_podpisal_zakon_o_zaprete_na_propagandu). Закон страдает такими же нелогичностями, терминологическими неясностями, как и два вышеупомянутых, не производя впечатления юридически фундированного. Тем не менее, в отличие от предыдущих, он вызывает обсуждение и мобилизацию протеста в интернете, поскольку имеет серьезный символический и практически смысл. Назначаются наказания за его нарушения, закон уже имеет эффекты (http://www.vedomosti.ru/politics/news/1711143/v_rossii_naznachen_pervyj_shtraf_za_propagandu). В нынешней формулировке он способен усложнить борьбу с реальными, сложными и глубокими проблемами (педофилии, насилия, уязвимости ребенка и пр.), расправляясь с неугодными гражданами. Закон показывает, что многие его сторонники не слишком сведущи в тематике, в научном дебате, в понятиях гендерной идентичности, ее социально-культурной и символической составляющей. Не проясняется причина, по которой принимается именно сейчас и именно в такой формулировке. Закон напоминает законы сталинского времени, хотя и в смягченном варианте.

> Опасный гендер

Процессы актуализации гендерной повестки при принятии данных законов обретают сходные черты. Вспомним и более ранние попытки осудить гражданские браки. Сексуальность, репродукция, равенство осознаются и репрезентируются как гендерная угроза. Почему? Кому? И о чем идет речь? О том, чтобы уменьшить число абортов или осудить тех, кто их делает? Укрепить семью или вернуть в нее женщину, ограничив ей другие возможности? Провести мудрую социальную политику, улучшить качество и доступность детских садов, когда многие заходят родить больше детей? Всерьез прислушаться к аргументам демографов, которые часто сомневаются в том, что в индивидуализированном мире социальная политика- особенно нестабильная и хаотичная - может повлиять на решения? Победить педофилию? Учесть сложность окружающего мира, невозможность и неэффективность простых решений? Привлечь экспертов и устроить всенародное обсуждение? Или речь идет о том, чтобы сделать орудием исключительно говорение, которое не требует больших ресурсов и рутинной работы? Но и риторика, чтобы стать символическим оружием, как будто бы требует строгой логики и основательных аргументов. Если таких аргументов не хватает - на помощь приходит сила. Стоит сформулировать «гендер» как угрозу, темную, нечеткую, неясную, не имеющую границ, тогда реакция на это становится угрожающей, темной и неясной. Ресурс силы (как и закон) можно применять избирательно. Опыт в нашем обществе существует.

> Отсутствующее гендерное образование – угроза семье

Опасным становится и современное определение семьи, и гендерное образование. Фонтанка.ру сообщает: в запросе депутата ЗакСа Виталия Милонова говорится о том, что «к нему поступило обращение Санкт-Петербургского епархиального управления, в котором отмечено, что концепция (семейной политики в СПб на 2012 - 2022 годы - АТ.) не отвечает целям государственной семейной политики, направленной на укрепление института семьи, семейных ценностей и создание благоприятных условий для семей. В частности, в проекте концепции нет определения понятия “семьи как союза мужчины и женщины”, пишет парламентарий и предупреждает, что отсутствие такой формулировки может “использоваться для продвижения в

>>

обществе сексуальных отклонений и разрушения института традиционной семьи". Кроме того, в проекте использован термин "гендер" и предусмотрено введение "гендерного образования", однако, подчеркивает Милонов, "известно, что такие образовательные программы в некоторых странах используются для разрушения традиционного уклада семейной жизни под предлогом "искоренения гендерных стереотипов" (http://www.fontanka.ru/2012/06/06/083/). Итак, приоритет – у государства, продвигающего традиционную семью, которым угрожают гендер, гендерное образование и разрушение гендерных стереотипов. Похоже, что со стереотипами жить легче и легче управлять населением. Что там Фуко с его дисциплинирующими техниками анатомо- и био-политики (и его бы пора уже признать вредным и угрожающим, хотя и был он не особенно гендерно чувствительным, став, однако, не только классиком современной философии, но и ведущим авторитетом в гендерных исследованиях).

Парадоксальным образом критику гендерных исследований поддерживают и сами исследователи, которые полагают, что эффекта от них мало, спроса на них нет, динамики также не наблюдается. «Политизированные темы гендерными исследователями не обсуждаются принципиально, а сами исследования не приводят ни к каким результатам» - возмущается профессор антропологии и славистики, директор программ русских и евразийских исследований Принстонского университета Сергей Ушакин (http://polit.ru/article/2012/06/21/ushakin/). «Теоретическое движение (гендерные исследования АТ) оказалось интеллектуально, как говорят экономисты, unsustainable, несамостоятельным, точнее – несаморазвивающимся». Если автор прав (а он прав, хотя и отчасти), - то почему же усиливается в последний год моральная паника по поводу «западного» гендера, гендерного образования и их влияния? Если бы гендер не проник в сознание масс, оставаясь по своей неизбежности «опиумом для народа» по словам социолога-классика И. Гофмана, алармизм вряд ли бы захлестнул бы законотворчество.

> Pussy Riot – катализаторы сензитивной повестки и моральной паники

В полемике по поводу гендера – семьи - репродукции - равенства - сексуальности все более заметным становится религиозный взгляд. В 2012 году на политическую сцену выходят Pussy Riot и попадают в точку, в самый сгусток противоречий - что у нас светское, а что религиозное, что традиционное, а что постмодернистское, где феминизм, а где политический протест? Кто, за что и как наказывает, каковы границы применения силы? Сгусток противоречий воплощается в духовно-религиозном языке. Он присутствовал в обсуждении всех законов, о которых шла речь выше, хотя это не было заметно широкой публике. Однако по отношению к Pussy Riot острота проблемы воплощается в реакциях СМИ и мгновенном, достаточно суровом, наказании. Контролирующая и наказующая сила справляется там, где не хватает аргументов, а главное – сколько-нибудь ясного понимания границы влияния религиозных институтов на светское государство и его социальную политику, здоровье населения, репродукцию, сексуальность. Ну и на гендер в конечном счете.

Процесс Pussy Riot в 2012 году, в числе прочего, проявил стремительно возрастающую роль церкви в формировании современной био-политики в России. Соответственно и гендер становится полем моральной борьба, оставляя в стороне актуальную прагматику повседневности, социальной политики, семейных и индивидуальных проблем и решений.

> Непоследовательная и неэффективная социальная политика никому не интересна

Многочисленные исследования показывают, что эффекты современной социальной политики поддержки материнства очень слабы (включая и политику материнского капитала), не отражают реальных потребностей молодых женщин и семей (Бороздина Е., Здравомыслова Е., Темкина А. "Материнский капитал: социальная политика и стратегии семей" http://demoscope.ru/weekly/2012/0495/analit03.php). Женщины критикуют государство, будучи неудовлетворенны организацией репродуктивного и детского здравоохранения, дошкольного и школьного образования. Они надолго выпадают из сферы оплачиваемой занятости, или отказываются заводить детей (по крайней мере, больше одного), в одиночку (или вместе с семьей) сражаются с чиновниками и бюрократией в интересах детей. В будущем им, как и их матерям, предстоит сражаться один на один с проблемой ухода за пожилыми и больными родителями. Нужно ли им гендерное равенство или право на аборт? Массовое недовольство современных горожан пока еще не соотнесено с социальными проблемами. Однако уже сейчас понятно, что такие проблемы трудоемкими и ресурсоемки в своем потенциальном решении, требуют сильной и продуманной социальной и семейной (т.е. гендерной) политики, реального участия граждан в принятии решений. Но молодые горожанки не рассчитывают на государство, в отношении социальной политики они ему просто не верят.

Пока такая политика не стоит в новой повестке дня, и не поставлена по новому – т.е. с учетом интересов разных групп и с их представительством, пока граждане сами не заявляют о своих интересах, - можно действовать по отдельным выборочным направлениям убеждением и силой, или, по крайней мере, ее угрозой. И эта угроза постепенно оформляется как антигендерная, указывая на то, что в спаде рождаемости, высоком уровне абортов, нестабильности семьи, провозглашении прав меньшинств виноват западный гендер и его российские сторонники. ■

* Авторизованный перевод с английского. Первая версия опубликована здесь: http://polit.ru/article/2012/06/16/gender/

> Перспективы публичной социологии в Украине

Лидия Куземска, Львовский университет, Украина

Выдающиеся украинские социологи на Конференции по публичной социологии в Национальном университете "Киево-Могилянская академия". Слева направо: Светлана Оксамытна, Валерий Хмелко, Володомир Паниотто (стоит), Андрий Горбачук, Евгений Головаха (говорит) и Ирина Бекешкина.

28 мая 2012 г. Киево-Могилянская академия и Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко провели конференцию по дилеммам публичной социологии в Украине, с президентом МСА Майклом Буравым в качестве основного докладчика. После этого мероприятия я пребываю в некоторой растерянности. Профессор Буравой кратко представил свою хорошо известную модель четырех типов социологии, подчеркнув важность публичной социологии как средства для выживания этой социальной науки. Он отметил, что публичная социология делает социологов и социологию ответственными перед обществом. Это также наделяет социологию легитимностью путем включения важных вопросов в публичные дебаты. Говоря коротко, публичная социология предполагает, что, с одной стороны, есть социологи, которые хотят поделиться своими знаниями и, с другой стороны, есть общественность, готовая выслушать (и даже использовать) результаты социологических исследований.

В последующей панельной дискуссии приняли участие ведущие украинские социологи и российская коллега, Елена Трубина. Они обсуждали вопрос " Что значит практиковать публичную социологию в Украине?" и сошлись во мнении по поводу существующих трудностей на пути публичной социологии в Украине, при этом, однако, по-разному представив ее будущее. Что касается трудностей, все выступающие отметили, что украинской социологии не хватает чувства ответственности перед обществом и легитимности в его глазах. Явное преобладание политической социологии, рассматриваемой как источник прибыли, ограничивает степень ответственности и доверия к социологии в рядах широкой общественности, в то время как публичная социология часто воспринимается как упрощение науки для в массе своей равнодушной публики. Кроме того, слабые навыки публичных выступлений и сложный язык делает коммуникацию социологов с общественностью – например, с журналистами, которым нужны короткие и быстрые ответы – весьма затруднительной для обеих сторон. В результате, общественность не интересуется и не знает о достижениях украинской социологии, что в свою очередь лишает социологию уверенности и оснований для получения финансовой или моральной поддержки.

Сложно не согласиться с таким пессимистичным взглядом, но практика тех, кто на деле занимается публичной социологией в Украине, внушает надежду. В их числе такие уважаемые и опытные социологи, как Евгений Головаха и Ирина Бекешкина, которые являются частыми гостями на телевидении и публикуются в периодических изданиях, а также молодые ученые, например, исследователи из Киево-Могилянской академии, которые выпускают журнал Spil'ne («Палата общин») и ездят по стране, обсуждая свои статьи в различных аудиториях. Их деятельность доказывает, что публичная социология в Украине действительно существует. На данный момент, однако, она существует, главным образом, как инициатива отдельных лиц или небольших групп и очень бы выиграла от большей публичности и более широкого участия, особенно молодого поколения социологов. Открытость и видимость социологии, а также полезность ее результатов для различных групп общества являются необходимыми условиями для развития социологии в Украине. В противном случае она будет буксовать на месте с ограниченными финансовыми и человеческими ресурсами.

Кроме того, публичная социология может быть эффективной поддержкой автономного гражданского общества. Если использовать метафору профессора Юрия Яковенко, мы можем (а значит, мы должны!) изменить имидж нашей страны путем обсуждения социальных проблем и исследуя общество, подобно тому, как врачи изучают латентные процессы, не видимые в повседневности. Использование новых технологий, творческих идей и молодежных инициатив может продвинуть вперед публичную социологию в Украине. Будем надеяться, что эта конференция поведет нас в этом направлении. ■

> Румынская зима протестов

Каталин Огустин Стоица и Винтила Михайлеску, Национальная школа политических и административных наук (SNSPA), Бухарест, Румыния

Протестующие на Университетской площади в центре Бухареста, январь 2012. Фотограф - Влад Петри.

Масштабы мирового финансового кризиса были в значительной степени проигнорированы румынскими политиками, озабоченными предвыборной кампанией, а также национальными и президентскими выборами 2008-го и 2009-го гг. Тем не менее, в начале 2010 года Румыния столкнулась лицом к лицу с угрозой экономического коллапса. Чтобы избежать этого, правительство и лично президент Бэсеску обратились в МВФ и к Европейскому Союзу, которые на очень жестких условиях выделили Румынии кредит. На этом фоне в мае 2010 года правоцентристское правительство Румынии приняло ряд жестких мер экономии: заработная плата работников бюджетной сферы была снижена на 25%, некоторые пенсии обложены налогом, социальные пособия – урезаны, налог на добавленную стоимость был увеличен с 19 % до 24%, тысячи государственных служащих были уволены. Экономический кризис в сочетании с мерами жесткой экономии нанесли сокрушающий удар по частному сектору Румынии и отпугнули потенциальных иностранных инвесторов.

Во время экономических трудностей старые и, казалось бы, давно забытые проблемы снова вышли на поверхность. Несмотря на некоторые значительные правовые изменения, направленные на борьбу с коррупцией, большинство румын выражают недовольство (в очередной раз) ее широким распространением среди политиков и государственных инситутов. Сообщения СМИ и доклады НКО пестрят отчетами о многочисленных теневых (и зачастую совершенно возмутительных) сделках между национальными или местными (избранными) должностными лицами и политически связанными с ними крупными предпринимателями (так называемыми «умниками»). Кроме того, частные предприниматели продолжают публично разоблачать хищническое, алчное поведение государственных чиновников и прочих политических деятелей.

В 2010 и 2011 годах профсоюзы и другие организации гражданского общества протестовали против политики правоцентристского правительства, но не смогли мобилизовать румынское население. Ситуация изменилась в начале 2012 г. В январе 2012 года в течение более трех недель тысячи румын постоянно выходили на улицы Бухареста и 50 других городов в знак протеста против отставки Раеда Арафата, румынского врача палестинского происхождения. Доктор Арафат способствовал организации национальной службы скорой помощи реанимации и помощи при автомобильных авариях (SMURD), которая считается примером передовой практики на европейском уровне. Доктор подал в отставку после телевизионных дебатов с Траяном Бэсеску, президентом Румынии. Последний поддержал принятие нового проекта закона о здравоохранении, предполагающего приватизацию национальной системы медицинской скорой помощи. Протесты застали врасплох бывшую правительственную коалицию, политическую оппозицию и экспертов, поскольку большинство из них считало, что «полента не взрывается». Согласно «Экономисту» («Беспорядки в Румынии: битва за Бухарест», 16 января 2012), «этот афоризм румыны используют для описания установки на безропотное принятие политики правительства,

>>

Внушительное количество полицейских было направлено на площадь для контроля над демонстрантами.

типичной для этой страны».

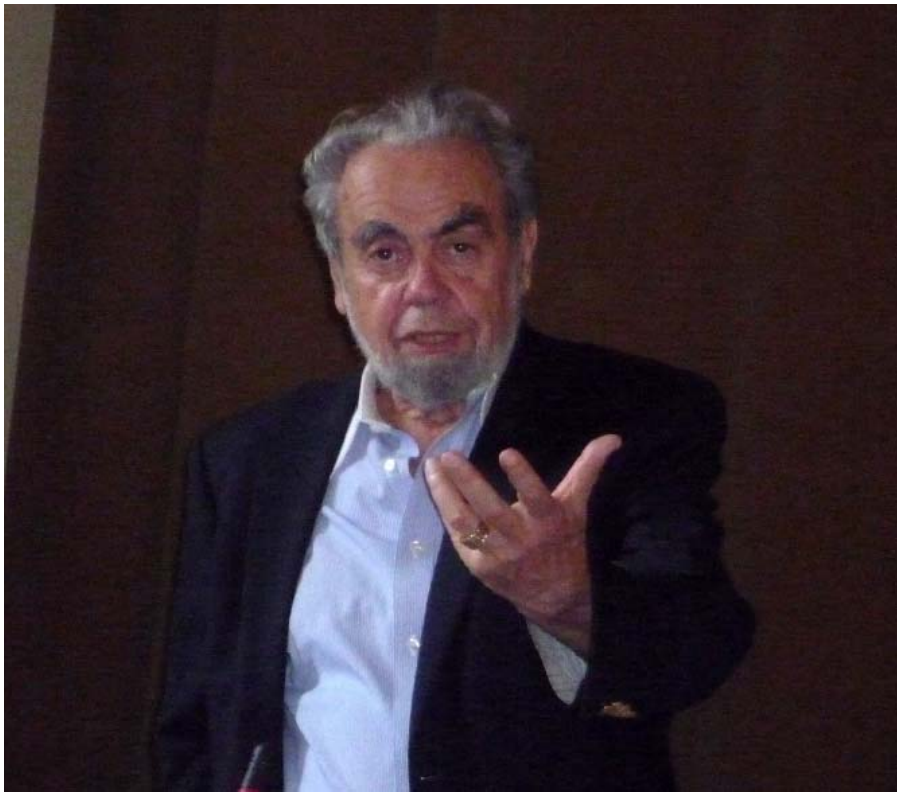
Отставка Раеда Арафата послужила катализатором событий, однако требования протестующих покрывали широкий круг вопросов: меры экономии, принятые бывшим правоцентристским правительством; продолжающийся экономический кризис; широко распространенная коррупция среди политиков; безразличие бывшей правительственной коалиции к потребностям простых людей. Некоторые местные и зарубежные аналитики считают эти протесты румынской версией движения indignados в Испании. На то есть несколько оснований. Во-первых, румынские темы протестов были весьма разнообразны: сокращение пенсий, медицинская помощь, права женщин на льготы по беременности, снижение зарплат и экологические проблемы. Во-вторых, румынские демонстрации поддержали представители разных социальных слоев. На Университетской площади в Бухаресте и в других городах в массовых акциях протестующих участвовали пенсионеры, студенты, безработные, сотрудники транснациональных компаний, футбольные хулиганы (или так называемые «ультрас»), авторитетные университетские профессора, феминистки, сторонники крайне правых и/или популистских партий, левые радикалы, хипстеры и бездомные. В-третьих, основным средством мобилизации послужили Интернет, сотовые телефоны и телевидение. В-четвертых, некоторые темы недовольства были глобальными или транснациональными по своему характеру (например, экологические проблемы, права женщин, политика МВФ и безответственное поведение финансовых институтов). В-пятых, некоторые темы протеста были заимствованы непосредственно (на английском языке) у движений indignados и Occupy Wall Street. Кроме того, как и в других частях мира, в Румынии протестующие были объединены открытым критическим отношением и непринятием всех нынешних политиков.

Высокопоставленные политики бывшего правоцентристского правительства попытались преуменьшить значение этих событий, наделяя протестующих оскорбительными ярлыками: «ленивые и жестокие трущобные жители», «черви» или «невротики». К концу января, однако, премьер-министр Эмиль Бок подал в отставку, проект нового закона о здоровье был снят с обсуждения, доктор Арафат был восстановлен в должности заместителя государственного секретаря в Министерстве здравоохранения, а новое правительство объявило, что попытается увеличить заработную плату служащих в государственном секторе. Новое правоцентристское правительство продержалась всего несколько месяцев и, в конце концов, было отправлено в отставку из-за вотума недоверия, поданного оппозицией. Хотя с количественной точки зрения румынские протесты опирались на гораздо меньшее число людей, чем испанские, влияние этих протестов было огромным. По мнению некоторых аналитиков, события января 2012 года ознаменовало начало новой эры гражданского участия в Румынии.

Вместе с другими румынскими коллегами (социологами, антропологами и журналистами-аналитиками) мы подготовили к публикации книгу о январских протестах – «Зима нашего недовольства: румынские протесты в январе-феврале 2012 года». Некоторые могут сказать, что прошло слишком мало времени для глубинного анализа январских событий 2012 года. Мы же считаем, что с позиции публичной социологии первичный анализ по свежим следам событий проведен вполне своевременно. Сборник адресован широкой аудитории и предлагает социологический анализ общественных проблем и платформу для диалога для тех, кто был свидетелем протестов, и тех, кто в них участвовал. Мы не собирались делать «общих выводов», основываясь на анализе этих событий, но, согласно подходу Майкла Буравого, наша цель состояла в том, чтобы предложить различные точки зрения и мнения о протестах. Читатели, заинтересованные в нашей работе, могут найти ее на английском языке: http://www.proteste2012.ro/en.html. ■

> Румынская социология за пределами глобализации

Иоана Флореа, (Университет Бухареста, Румыния) и Делия Бадой (Университет Бухареста, Румыния и Школа повышения квалификации по общественным наукам, Париж, Франция)



Микаэл Черня, Университет Джорджа Вашингтона (США), вернулся в Румынию, чтобы получить заслуженную награду за вклад в социологию.

В академическом мире июнь известен как месяц, полный событий: экзаменов, оценок, дедлайнов для подачи заявок на поддержку исследовательских проектов, заявлений на участие в летних школах, а также конференций. В соответствии с этой традицией начался и нынешний июнь в Бухаресте. Здесь на факультете социологии и социальной работы Университета Бухареста прошла международная конференция Румынского Социологического Общества (РСО). РСО, основанное в 2008 году, представляет собой растущее профессиональное сообщество, в котором состоят как начинающие, так и авторитетные социальные исследователи со всех социологических факультетов страны, сотрудничающие в более чем 30 рабочих группах и секциях.

Начиная с 2008 года в публичном пространстве все чаще поднимался вопрос о статусе румынской социологии. Особенно часто эта тема обсуждалась на ежегодных встречах РСО в городе Клуж-Напока (Cluj-Napoca) и на недавнем собрании социологов в Бухаресте. Ключевой задачей конференции этого года стала следующая: обозначить роль и степень применимости социологии в социальной жизни. На конференции обсуждались и другие важные вопросы, например: как могут исследователи применить социологическое знание в реальной жизни, и каким образом на основании этого знания можно совершенствовать политический курс?

Названная «За пределами глобализации?», научная конференция, как и предполагалось, послужила платформой для трехдневных дебатов. Одна из первых дискуссий касалась вопросительного знака в названии форума – почему он там поставлен, что это означает, трансформировались ли наши жизни таким образом, что мы находимся «за пределами глобализации». Что в действительности находится за пределами глобализации? Как и в любой хорошей дискуссии, эти вопросы остались открытыми.

Пленарные заседания в начале конференции послужили поводом для еще одного цикла дебатов. Профессора Майкл Буравой (Университет Калифорнии, Беркли), Лазэр Влэшчану[Lazăr Vlăsceanu] и Мариан Преда [Marian Preda] (Университет Бухареста) открыли дискуссию о публичной социологии– кому и зачем она нужна, каковы ее взаимоотношения с другими «социологиями», чего она может достичь и каким образом? Представители научного сообщества обсуждали вызовы, с которыми сталкивается румынская социология и выясняли, способны ли социологи в принципе вести диалог с публикой? Если бы такой диалог состялся, как бы это повлияло на социологию? Полемику по поводу румынской публичной социологии начал профессор Лазэр Влэшчану, президент научного комитета РСО, настаивавший на том, что в Румынии социология не сумела наладить связи с обществом и связать социологическое знание с реальной жизнью людей.

>>

На сегодняшний день существует растущее и рефлексивное видение того, каким образом социология как наука отвечает социальным нуждам Румынии. В этом контексте круглый стол Майкла Буравого о публичной социологии послужил поводом как для множества интересных дебатов об актуальной ситуации профессиональной социологии в Румынии, так и для критики в отношении статуса румынской социологии в публичном пространстве. С одной стороны, казалось бы, публичная социология в Румынии маргинализована, с другой – желательна и необходима, так как социологам требуется обладать навыками общения с публикой. Обсуждая статус и перспективы развития публичной социологии, важно помнить о социологическом наследии Румынии. Социолог Михай Черня (Michael Cernea) напомнил во время своего круглого стола, что у Румынии есть своя традиция публичной социологии, примером которой является «sociologia militans», выработанная Димитрием Густи (Dimitrie Gusti) в «Школе Румынской Социологии» в 1921 году.

Некоторые румынские социологи пытаются выявить элементы публичной социологии в истории румынской социологической мысли. В какой-то степени румынская социология обращалась к вопросу о создании связи между социальной теорией и социальной практикой – в терминах Райта Миллса. Возможно, нам в первую очередь необходимо развить более тесную связь между эмпирическими исследованиями и социальной теорией, тем самым создав сильную профессиональную социологию в Румынии как основание для эффективного присутствия в публичной сфере. Если проблема заключается в том, что в Румынии не развита публичная социология, то причина этому - отсутствие в стране социологов, вовлеченных в публичную сферу. Такая вовлеченность могла бы способствовать возникновению и углублению релевантных дебатов на научном уровне. Как сказал Майкл Буравой: «Социологи присутствуют только во время выборов, а после этого они пропадают». Такое положение дел точно не приведет к созданию энергичной публичной социологии в Румынии!

Проблема публичной социологии актуальна не только в Румынии, но и во всем мире. Как и везде, открытые выступления перед лицом профессиональной социологии, опасающейся публичных научных дебатов, могут оказаться рискованными. Тот факт, что существуют постоянные трения между профессиональной и публичной социологией, еще более усложняет социологам вовлеченность в публичную сферу. Очевидно, что речь идет не просто о вовлеченности, но и о вмешательстве, нацеленном на социальные изменения. Румынские социологи также активно обсуждали вопрос о том, может ли социология генерировать социальные движения? Следуя концепции «социологической интервенции» Алена Турена, публичные социологи должны понимать, что социология не может трансформировать мир, но может помочь понять, как он функционирует. Развитая публичная социология в большой мере ассоциируется с профессиональной социологией и привержена переводу социологических тем на язык, доступный разного рода публике.

Профессор Жан-Клод Кауфманн [Jean-Claude Kaufmann] (Университет Рене Декарта, Париж 5), стимулировал обсуждения проблем нормативности, таким образом соединяя макроперспективу теории глобализации с микронаблюдениями повседневности. Профессор Михай Черня (Michael Cernea) изложил свою версию истории румынской социологии, включавшую рассказ о проектах Всемирного Банка, и тем самым стимулировал дебаты о старых и новых, локальных и глобальных трудностях и вызовах в социологии и социальной политике. Профессор Мариан Преда координировал дискуссию о социальных рисках и формах неравенства, связанных с глобализацией – о долгах прошлого и настоящего, которые предстоит выплачивать будущим поколениям, демографических изменениях и опасностях потребительского общества.

При том, что такие темы поднимались в пленарных докладах, а участники не стеснялись задавать вопросы известным профессорам в наводящих робость залах пленарных заседаний, вы можете себе представить волну обсуждений, захлестнувшую конференцию! Кроме того каждая панель (а насчитывалось их более 40) заканчивалась сессией вопросов и ответов, что привело к еще одной волне дебатов.

Не в последнюю очередь следует отметить, что молодым социальным исследователям, участвовавшим в конференции, удалось воспользоваться этим событием мирового уровня – встречей коллег, слетевшихся не только со всех уголков страны, но и со всех уголков планеты. Для румынских студентов, имеющих ограниченный доступ к академическим ресурсам, эта конференция была редким и особенным событием. В рамках Румынского Социологического Общества были созданы новые рабочие группы. Были запланированы новые совместные исследовательские проекты, сборники и статьи. Появился и повод для жесткой критики в отношении ISI Web of Knowledge за обладание монополией на право оценивать научные тексты. Как молодые социальные исследователи мы, конечно же, получили удовольствие от хорошей критической дискуссии! ■

> CriticAtac

Румынский антикапиталистический манифест

Виктория Стоичу, Чиприан Сиулеа, Михай Иованел, Овидий Тикинделеану, Кости Рогозану, Флорин Поенару и Василе Эрну, представители *CriticAtac*

Члены CriticAtac — Виктория Стоичу, Василе Эрну и Чиприан Сиулеа — знакомятся с Майклом Буравым.

Редактор «Глобального диалога» познакомился с активной и выразительной группой CriticAtac во время поездки в Румынию. CriticAtac сотрудничали с социологическим факультетом Бухарестского университета при организации массового коллоквиума на тему «Марксизм после коммунизма». Кажется, это замечательное начало для страны, где марксизм был сильно дискредитирован в связи с тем, что он ассоциируется с советским прошлым.

CriticAtac – это социальная, интеллектуальная и политическая группа, основанная в 2010 году в Бухаресте. Наша группа придерживается идеологии левого толка, однако мы не являемся идеологической фракцией, где все хлопают друг друга по спине, радуясь своему блистательному и согласованному мышлению.

>>

Одна из наших главных целей — создать что-то новое в довольно изношенном, невнятном, рутинном и авторитарном публичном пространстве. И это одна из причин нашей уникальности.

CriticAtac – не академическая группа, хотя у нас есть связи в сфере образования. У нас есть электронная платформа www.criticatac.ro, но мы также выходим за рамки онлайн-пространства и организуем встречи, семинары и дебаты в университетах. В ноябре 2011 года мы стали организаторами Румынского общественного форума, куда были приглашены все важные группы и общественные движения Румынии. На форуме проводились дискуссии по ключевым вопросам для нашего общества: социальные блага, формы протеста, демократизация. Мы стремимся пробудить у граждан интерес к социальным и политическим проблемам, а также привлечь новую аудиторию в публичную сферу, находящуюся на грани упадка. Слишком много людей не имеют голоса и репрезентации в обществе, в то время как «написание повестки дня» остается за предсказуемым меньшинством.

Будучи активными сторонниками рынка, нынешние румынские мейнстримовые интеллектуалы научились развлекать публику и поддерживают зачарованный неподвижный культурный рынок . Мы находимся в ситуации так называемого интеллектуального «свободного рынка», где основными критериями успеха являются историческое наследие и олигополистические договоренности. Мы также приходим в тупик, когда речь идет о таких темах, как антикоммунизм, навязчивая идея «вестернизации», насаждение капиталистических отношений, агрессивный элитизм. Самонадеянные рассуждения на эти темы за последние 20 лет после падения коммунизма ни к чему нас не привели — а они и не должны ни к чему приводить.

Мы давали свои комментарии по поводу основных общественных проблем современности, а также на темы, которые мы считаем принципиально важными для нашего общества: темы равенства, индивидуального и социального права следовать по своему пути, темы дискриминации и привилегий, неравенства и равных возможностей, отношений между работодателями и работниками, между обществом и государством, будущего политической системы и многие другие. Кроме того, мы намерены обсуждать все это в обоснованной и доступной манере. Мы абсолютно не заинтересованы в фальшивом антикорпоративном активизме, фанатичной «защите окружающей среды» или модном антиконсюмеризме, которому недостает логичных аргументов.

Мы не хотим участвовать в партийной политике. Ограниченность и ритуальность существующей политической системы настолько глубоко пустили корни, что истинной политикой можно заниматься, только находясь вне этой территории. Мы хотим оказывать политическое влияние, не являясь частью истеблишмента, но при этом также не хотим занимать позицию гражданского общества, заигрывающего с политической системой, или снисходить до того, чтобы предлагать партиям разработать меры публичной политики или применять оппортунистические политические стратегии. Все это — игры на высшем уровне, игнорирующие важность разделения общественного и политического. Вместо этого мы стремимся ввести в политическое уравнение то, что действительно необходимо, а именно — мысль о том, что представительная демократия должна действительно представлять всех и что политика не должна быть уделом узкой политической, технократической или интеллектуальной элиты. И прежде чем разрабатывать какие-либо подробные предложения в области публичной политики, мы хотим радикально изменить оптику, через которую мы смотрим на актуальные проблемы современности. ■

> Проекту Sociopedia.isa – три года

Берт Кландерманс, Свободный Университет, Амстердам, Нидерланды, вице-президент МСА по финансам, 2002-2006

Несколько лет назад Исполнительный комитет Международной социологической ассоциации обсуждал возможность публикации ежегодного сборника обзорных статей. Озвучивалась идея создания электронного онлайн журнала, а не книги. Мы пришли к выводу, что издание книги занялр бы столько времени, что к моменту ее выхода многие статьи уже успели бы устареть.

Электронный журнал, напротив, дает возможность публиковать статьи сразу же после их написания, а проблема пропущенных дедлайнов не возникает в принципе. Мишель Вивьёрка (Michel Wieviorka), Берт Кландерманс (Bert Klandermans) и Изабела Барлинска (Izabela Barlinska) собрались вместе и обсудили концепцию, впоследствии ставшую Президентским проектом Вивьёрки. Кенджи Косака, разработавший сходную идею, присоединился к основателям издания. Так родилась Социопедия (Sociopedia).

Чтобы подчеркнуть связь Социопедии с МСА и отличие этого проекта от других инициатив, мы назвали его Sociopedia.isa (ISA – International Sociological Association, то есть Международная Социологическая Ассоциация). Sociopedia.isa является воплощением новой концепции производства и распространении знания, сочетающей в себе лучшие элементы двух миров: быструю публикацию с использованием Интернета и научное качество, обеспеченное тщательным творческим редактированием и peer review (т.е. рецензиями коллег). Благодаря опытным редакторам и рецензентам, статьи отличаются крайне высоким качеством. Интернет, в свою очередь, позволяет публиковать новейшие обзорные статьи.

Sociopedia.isa, таким образом, преставляет собой «живую социальную науку». Пользователям предлагаются последние статьи, которые при этом регулярно обновляются. Через два года после публикации статьи автора просят отредактировать ее, внеся соответствующие коррективы. Более того, после каждого материала следует специальная секция, в которой можно обсудить написанное.

Три года назад в онлайн журнале были опубликованы первые пять статей. С начала своего существовани в рамках проекта было опубликовано 35 статей, охватывающих широкий спектр исследовательских тем, таких как: протестная деятельность, социальные конфликты, гендерные роли, катастрофы, здоровье и болезни, диаспора, память, мобильность, повседневность, транснационализм миграций, секуляризация и рефлексивность. Пользуясь своим паролем, члены МСА могут зайти на страницу журнала через сайт ассоциации или издательства SAGE. Каждые 3-4 месяца становятся свободно доступны 5 статей. Страницу проекта уже посетили тысячи пользователей.

Статьи для журнала можно прислать на электронный адрес sociopedia.isa.fsw@vu.nl. Объем стандартного текста – 7000 слов (не учитывая список использованной литературы). Тексты должны быть написаны на английском языке, однако авторам рекомендуется присылать копию на другом языке, например, французском или испанском. Автор должен удостовериться в том, что перевод не отличается по смыслу от оригинальной версии. Структура типичной статьи выглядит следующим образом: за обзором теоретических подходов следует обзор эмпирических данных, затем оценка исследований, проведенных на момент написания работы, и, наконец, обсуждение перспектив развиватия релевантных исследований и теоретических подходов. Статья должна содержать ссылки на цитированные работы, аннотированные указания на дополнительную литературу («Эта статья может быть интересна, так как...») и краткую биографию автора (примерно три предложения).

Редактор проекта – Берт Кландерманс. Помощники редактора: Девора Калекин-Фишман (Devorah Kalekin-Fishman), Кенджи Косака (Kenji Kosaka), Елиза Райс (Elisa Reis), Артуро Родригез Морато (Arturo Rodríguez Morató), Анри Люстиже Талер (Henri Lustiger Thaler). Как правило, статьи отсылаются как минимум двум посторонним рецензентам. Обычно редакторы работают с авторами до того момента, как статья становится удовлетворительной. Через несколько недель после приема статьи редакцией она выходит в свет. Начиная с 2013 года, 8-10 статей журнала Sociopedia.isa будут ежегодно публиковаться в Review Issue of Current Sociology – одном из двух печатных рецензируемых журналов МСА. Это делает публикацию статей в Sociopedia.isa еще более привлекательной.

Одна из инноваций – это Sociopedia.isa colloquium, то есть расширенная версия стандартной обзорной статьи из журнала Sociopedia.isa. Согласно нашему дизайну такой коллоквиум должен начинаться с краткого введения, в котором один из ведущих социологов вкратце излагает свою позицию в отношении определенной социологической темы или проблемы. После этого три или четыре статьи будут посвящены обсуждению и оценке подхода, изложенного в первой, главной статье. Три или четыре комментатора возьмут на себя роль критиков и примут участие в обсуждении позиции первого автора. Анри Люстиже Талер готовит Colloquium на тему «Космополитизм», а Девора Калекин – на тему «Социология чувственного восприятия»

Всем, кого интересует написание обзора своей сферы социологических интересов для журнала Sociopedia.isa, я рекомендую прислать работу на адрес sociopedia.isa.fsw@vu.nl. ■

> Улучшить здравоохранение для всех

Элен Кульманн, Университет Гете, Франкфурт, Германия, президент исследовательского комитета (ИК) 52 (Социология профессий), Клаус Вендт, Университет Зигена, Германия, член правления ИК19 (Бедность, социальное обеспечение и социальная политика), и Иви Буржо, Университет Оттавы, Канада, вице-президент ИК15 (Социология здоровья)

Улучшение медицинского обслуживания, затрагивающее всех граждан, является ключевым компонентом борьбы с социальным неравенством и бедностью и занимает одно из первых мест в политических программах всего мира. Несмотря на множество различий, как зарождающиеся системы здравоохранения на Востоке и Глобальном Юге, так и устоявшиеся системы в государствах всеобщего благосостояния на Западе основаны на стремлении к улучшению организации и увеличению доступности медицинского обслуживания. К этому относится, помимо прочего, разработка новых методик управления медицинским персоналом. Для обеспечения общественного здоровья, как оказалось, ключевыми являются услуги публичного сектора и социальная ответственность, хотя рыночный подход и находится на подъеме в нынешних условиях сокращения бюджетного финансования (austerity). Назрела необходимость в разработке большого количества творческих политических мер, чувствительных к реалиям властных отношений.

Второй форум МСА в Буэнос-Айресе стал отличным поводом для того, чтобы рассмотреть развивающееся поле здравоохранения и связанной с ним политики с социологической точки зрения и подчеркнуть плюсы международных исследований (см. также Current Sociology, специальный выпуск, июль 2012.) Эта новая сфера исследований трансдисциплинарна по своей сути, исходя из чего мы организовали совместные заседания наших секций. Мы получили огромное число заявок. ИК15 (Здоровье) and ИК19 (Социальная политика) организовали совместные заседания по теме «Улучшения здравоохранения для всех», а ИК15 и ИК52 (Профессиональные группы) – заседание с фокусом на управлении кадрами. На каждом из них представлялось множество работ и велись оживленные дискуссии.

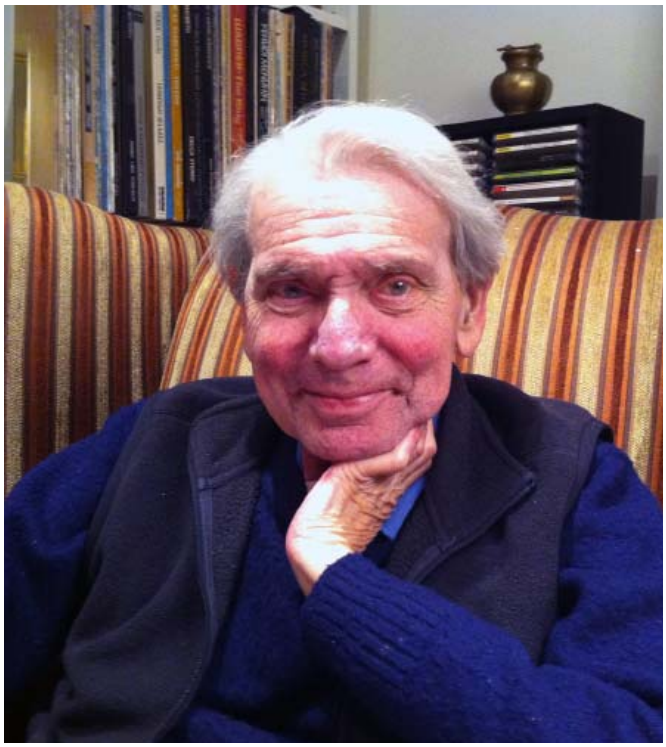
> **“Мы получили огромное число заявок на совместные заседания”**

Совместные заседания предоставили платформу для обсуждения значимых проблем политики здравоохранения и обмена международным опытом. Самым удивительным и поистине уникальным стало то, что они объединили исследователей со всех континентов, а языковой барьер творчески преодолевлася с помошью двуязычных презентаций и обсуждений. Участники приехали из Северной и Южной Америки, из ряда европейский стран, Австралии, Нигерии, Южной Африки и Японии.

Одной из основных обсуждавшихся тем стали трудности, связанные с проведением сравнительных исследований динамичной и разнообразной сферы здравоохранения. В связи с этим прозвучали предложения об использовании более сложной типологии, о необходимости соединения микро- и макроуровней исследования, а также использования ряда различных индикаторов. Другой ключевой темой стал вопрос о неравенстве. Не было недостатка в примерах устойчивого и даже растущего разрыва в уровне доступности медицинских услуг. Дискуссии включали обсуждение гендерного равенства, женского здравоохранения, репродуктивных прав, а также вопросов культуры, языка, места, этничности, то есть факторов, потенциально способствующих неравенству. Часто обсуждались (в отношении всех стран) релевантность прав и важность всеобщего доступа к медицинским услугам, роль общественных движений и акторов, изменяющийся баланс между услугами здравоохранения публичного и частного сектора. Еще одна ветвь дискусии посвящалась сложности управления кадрами и необходимости повышения эффективности управления персоналом в сфере здравоохранения.

Вне сомнения, совместные заседания повышают эффективность уже существующих исследовательских комитетов. Мы с нетерпением ждем будущих поводов для совместной работы, уже успев навести мосты для нашей встречи в Йокогаме. ■

> Некролог: Иван Варга, 1931-2012



Жизнь **Ивана Варги** имела много граней. Одна из них – бесконечная преданность МСА, в особенности Исследовательскому комитету 22 (Социология религии), за что многие вспоминают его с любовью. Приведенный ниже некролог был написан его женой и дочерью, Евой Варга и Кристиной Варга.

Иван Варга у себя дома в Кингстоне, Канада.

Доктор Иван Варга умел постоять за то, во что верил, несмотря на ожидаемые опасности или непопулярность своих взглядов. Он родился в Будапеште в ассимилированной еврейской семье. Во время Второй Мировой войны, рискуя жизнью, он выходил на улицу без желтой звезды, нарушая введенный для евреев комендантский час, чтобы получить дополнительный паек для семьи. Его могли поймать и, расстреляв, бросить в Дунай.

Пройдя эти испытания, он пережил страшное разочарование, когда мечты об освобождении Венгрии Советской армией, обернулись ночным кошмаром сталинской тирании. Но Варга не мог молчать – напротив, он открыто критиковал режим, из-за чего после время венгерского восстания 1956 года стал жертвой преследования просоветских властей. Это вынудило его эмигрировать в Польшу и оставаться там до тех пор, пока не станет возможным возвращение на родину. Однако, вернувшись в Венгрию, он обнаружил себя в черных списках тех, кому на многие годы запрещалось работать по специальности.

После войны он учился вместе с такими светилами, как Георг Лукач, а затем защитил докторскую диссертацию. Он женился на Еве Лаунски в 1961 году. В 1968 у них родилась дочь Кристина.

Владевшему несколькими языками, включая английский, Ивану было разрешено уехать на четыре год преподавать в Танзанию. По окончании срока контракта семья приняла решение отказаться от предсказуемого, но довольно мрачного будущего в Венгрии ради полной неизвестного жизни на Западе. Семья обосновалась в Германии, привезя с собой из Танзании лишь одежду, несколько африканских сувениров и свое образование. Варга читал лекции в университетах Германии, а через год был приглашен преподавать социологию в Queen's University в канадском городе Кингстон. Там он остался до 1996 года, и дослужился до Почетного профессора.

В течение всей карьеры Варга стремился удовлетворить свой интерес к социологии искусства и культуры, а также религии, а в дальнейшем занимался исследованием телесности. Он участвовал в международных дискуссиях и сотрудничал с коллегами из самых разных стран. Варга занимал позицию старшего научного сотрудника в Гарвардском центре по изучению мировых религий, кроме того, он занимался исследованиями во Франции и Венгрии.

После выхода на пенсию Иван Варга продолжил писать и редактировать международные издания, организовывал и посещал международные конференции, а также более десяти лет не оставлял без внимания работу в Международной социологической ассоциаций, в особенности в Комитете по исследованиям социологии религии. По окончании своего срока пребывания на посту руководителя этого исследовательского комитета, он пожизненно оставался его почетным президентом. ■

> Какие двери открывает “Открытый доступ”?

Дженнифер Платт, Университет Сассекса, Великобритания, вице-президент МСА по публикациям, 2010-2014

“Открытый доступ” – это движение, быстро распространяющееся далеко за пределы своего источника и грозящее рядом опасностей социальным наукам по мере своего приближения к ним. Основная идея движения проста и привлекательна: у всех должен быть доступ к научному знанию, заключенному в журнальных статьях. Важным моментом в развитии движения стало назревшее среди ученых из сферы естественных наук недовольство высокими ценами на доступ к необходимым им журнальным публикациям и большой прибылью издателей (что, например, привело к бойкоту издательства Elsevier). Помимо этого, недавно возникший релевантный движению идеологический мотив, являющийся интегральной частью новой политики британского правительства, заключается в том, что у всех граждан должен быть свободный доступ к продуктам, произведенным с помощью государственных субсидий. Существует также мнение, что открытость доступа к знанию, помимо прочего, пойдет на пользу бизнесу, который благодаря этому станет активнее содействовать экономическмоу росту. Основные институты, занимающиеся финансированием науки в США и Великобритании, уже начали требовать, чтобы спонсируемые ими исследования публиковались только в журналах с открытым доступом. Таким образом, спонсоры оказывают давление на журналы, требуя изменения сложившихся практик.

В настоящее время нормальной считается ситуация, когда издатель занимается журнальным производством, а доступ пользователей к статьям зависит от оформления ими платной подписки. Чаще всего подписка оформляется и оплачивается не индивидуально, а университетами, которые затем предоставляют своим сотрудникам и студентам свободный онлайн-доступ. Эта ситуация осложняется тем обстоятельством, что крупнейшие издатели теперь дают библиотекам возможность оформлять платную подписку на целые пакеты журналов, а не на отдельные издания, что обеспечивает доступ многих пользователей ко многим источникам, однако по высокой цене. При этом не оплачивается ни труд авторов статей, ни кропотливый труд университетских работников, хотя нет сомнения, что процесс выпуска журнала подразумевает значительные затраты, которые каким-то образом необходимо покрывать.

> “Открытый доступ может привести к серьёзным последствиям для МСА”

Сейчас активно обсуждаются две альтернативные модели «открытого доступа». «Золотая» модель требует от авторов (как предполагается, не от самих авторов, а от университетов или институтов-спонсоров) выплаты значительных сумм для покрытия стоимости издания. При этом читатели получают бесплатный доступ к статьям. «Зеленая» модель освобождает автора от оплаты публикации, но по предполагает размещение его статьи в открытой базе данных с бесплатным доступом по истечении определенного срока после публикации. Срок эмбарго на публикацию статей может длиться 6 или 12 месяцев. Этот срок достаточно велик в масштабах быстрых темпов развития некоторых отраслей естественно-научного знания, благодаря чему сохраняется стимул для оформления платной подписки.

Обе модели могут быть полезны как авторам, потому что их работы станут доступны большему числу читателей, так и самим читателям, потому что доступ для них станет открытым. Но каковы другие последствия выбора той или иной модели открытого доступа?

• «Золотая» модель предполагает, что большинство авторов из бедных стран, возможно, не смогут публиковаться в сильных журналах богатых стран при отсутствии гранта от международного института, предоставляющего им финансирование. В социологии, например, написание статей спонсируется далеко не всегда. Остается неясным, будут ли авторы, не имеющие финансирования, освобождены от необходимости уплаты за публикацию. Администрация университетов бедных стран может начать ограничивать своих авторов в количестве издаваемых текстов. Более того, хотя университеты и сэкономят на журнальной подписке, это еще не означает, что они используют дополнительные деньги именно на поддержку исследований. Возможно также, что объем доступных читателям исследований уменьшится, а их спектр станет менее разнообразным.

• «Зеленая» модель предполагает, что стоимость публикации не будет оплачиваться никем в принципе, если эмбарго, наложенное на новые статьи, не заставит достаточно большое число библиотек и читателей платить за ранний доступ к содержанию журнала (А «период полураспада» журнальной статьи в рамках социальных наук значительно больше года).

Издатели логичным образом предпочитают «золотую» модель. Научные общества вроде МСА, которые вряд ли признают авторскую плату приемлемой, могут потерять важную часть дохода от публикаций, дохода, поддерживающего другую деятельность ассоциации.

Существуют вариации решения проблемы на основе данных базовых моделей, которые мы не можем обсуждать в рамках этой короткой публикации. Вполне приемлемо существование «гибридных» журналов,

>>

готовых разместить некоторые (но не все) статьи в открытой базе данных. Именно такова в настоящее время политика Американской социологической ассоциации.

Некоторые журналы, возможно, поддадутся противоположному стимулу и станут охотнее выбирать работы без финансирования, лишь бы не предоставлять открытого доступа к статьям. Британские государственные исследовательские советы теперь требуют не только бесплатного открытого доступа к опубликованным статьям, но и доступа к данным, на которых основана каждая статья, чтобы их можно было перепроверить и повторно проанализировать. В таком случае встает вопрос о конфиденциальности первичных источнико в социальных науках?

Очевидно, что МСА необходимо разработать четкую политику по данному вопросу, соответствующую международной миссии организации. Большим подспорьем в этой задаче будет знание того, каким образом эта тема обсуждается в мировой социологии. Нам известно, что в ряде стран система спонсирования и издания научных журналов отличается от европейского и североамериканского стандарта. Знание того, как эта тема обсуждается где-либо в мире, может обратить наше внимание на ряд ранее не замеченных моментов. Мы были бы очень благодарны вам, если бы вы рассказали, как вышеописанная ситуация выглядит из тех мест, где находитесь вы, и что, по вашему мнению, должна представлять собой политика МСА по данному вопросу. Пожалуйста, пришлите свое мнение на мой электронный адрес j.platt@asussex.ac.uk. ■

> Представляем индийскую команду редакторов

Ишвар Моди, президент Индийского социологического общества, член исполкома МСА, 2010-2014

Читая об иранской команде редакторов Глобального диалога (GD2.4), я был поражен тем, что практически все они являются студентами или аспирантами. По сравнению с ними индийская группа гораздо более взрослая и опытная. Наша главная цель – обеспечить адекватный перевод на хинди сложных англоязычных профессиональных текстов социологов, что иногда представляет собой непростую задачу. Нам было приятно узнать, что многие коллеги из других университетов страны уже используют тексты ГД на хинди как образцы переводов для своих студентов. Они сравнивают их с оригиналами и ищут оптимальных переводческих решений. Тем не менее и английская, и хинди-версия ГД получают все большее распространение и все активнее обсуждаются в индийском академическом сообществе, что объясняется качеством публикаций, посвященных интересной информативной глобальной тематике. ГД является также отличным образовательным и просветительским ресурсом. Мы гордимся своим участием в создании издания ГД. ■

Профессор **Ишвар Моди** – основатель социологии досуга в Индии. В настоящее время он является президентом ИСО и директором Индийского Международного Института социальных наук, а также членом исполкома МСА. Он также был переизбран и вновь стал председателем ИК социологии досуга МСА (2010-2014). Выйдя на пенсию в 2000 году он сохранил позицию директора-основателя Центра изучения досуга и туризма в Университете Раджастана, в Джайпуре. Позднее в качестве приглашенного профессора он работал в Индийском институте исследований здравоохранения. Он также является президентом-основателем Индийской ассоциации исследователей досуга, почетным пожизненным членом Всемирной организации досуга (World Leisure Organization) и старшим научным сотрудником и основателем Всемирной академии досуга (World Leisure Academy). Он является организатором нескольких национальных и международных конференций, а также автором, соавтором и редактором восьми книг.

Раджив Гупта – профессор и декан факультета социологии Университета Раджастана, в Джайпуре. Он глубокий исследователь марксистской социологии. В 2007 году Индийская ассоциация социальных наук наградила его почетным званием D.P. Mukerji Senior Social Scientist Fellowship Award. Одна из его последних работ – исследование социологии учебников. Его книга *Communalization of Education or Education of Communalization* дала толчок общенациональной дискуссии и привела в замешательство представителей правых политических партий. Он глубоко изучает такие феномены индийского общества, как аграрные отношения, домашнее насилие, профсоюзы, процессы урбанизации, образование и науку как профессиональную деятельность. Его докторская диссертация посвящена роли академических интеллектуалов в современном индийском обществе. Как публичный социолог он активно участвует в различных общественных движениях, в том числе и тех, которые направлены против неолиберальной экономики.

Рашми Джайн преподает на факультете социологии Университета Раджастана. Сфера ее научных интересов – развитие и коммуникации, исследования глобализации, социология права, социология досуга, европейские исследования. Она также координирует полевую работу в рамках магистратуры по социальной работе. В настоящее время она работает над проектом "Общество и культура Раджастана под воздействием глобализации." Среди ее публикаций монография *Communicating Rural development – Strategies and Alternatives*. Кроме профессиональной деятельности, она активно участвует в гражданских инициативах и помогает озвучить проблемы обездоленных женщин Раджастана.

В течение последних шести лет **Удай Синх** сотрудничает с Индийским Международным институтом социальных наук под руководством Ишвара Моди. Он имеет степень магистра по экономическому администрированию и финансовому менеджменту Университета Раджастана. Работая над переводами ГД, он стремится узнать как можно больше о различных социологических феноменах и событиях в мировом масштабе.

> Выживая на границах

Алексия Уэбстер, фотограф, и Эдвард Уэбстер, Университет Витватерсранда, ЮАР, бывший Президент Исследовательского комитета по профсоюзным движениям (RC44)

Многие рабочие места, которые создаются в центре Йоханнесбурга – это работа для выживания, то, что сегодня называют прекаритетной занятостью (от precarious – нестабильный, шаткий, зависящий от непредвиденных обстоятельств) или неформальной экономикой. К ним относятся парикмахеры и уличные торговцы, мойщицы и мойщики автомобилей, работающие на дому или в тавернах, не имеющих лицензии на алкоголь, а также те, кто тащат по городу тележки, собирая по дороге бумагу и металлолом.

Мы сфотографировали одну из таких неофициальных сборщиц отходов, пожилую чернокожую женщину по пути к пункту приема. На первый взгляд она показалась нам привидением, почти неразличимым под грудой скарба, громоздившегося на ее спине. Но если внимательно присмотреться, можно увидеть тело, проглядывающее сквозь мешки с мусором. Она – не беспомощная жертва; она - эффективный работник. Она проводит по десять часов в день, собирая бумаги и таская их на спине по улицам Йоханнесбурга, чтобы сдать за деньги в пункте приема макулатуры. Это не работа в привычном смысле, это стратегия выживания. Однако она не только создает прибавочную стоимость путем вторичной переработки бумаги, которую покупает крупная транснациональная компания, она также убирает улицы. Это «зеленая» работа, но эта женщина зарабатывает в среднем лишь 5 долларов США в день.

Таких неформальных работников характеризует то, что они являются самозанятыми, т.е. работают на себя. Они нашли в городе свое экономическое пространство, позволяющее им быть экономически активными, при этом весьма отличными от традиционной занятости способами. Появление таких неформальных видов деятельности озадачило социологию. В соответствии с телеологическим подходом в теории модернизации, в 1950-х и 60-х годах было распространено мнение, что динамично развивающиеся отрасли экономики абсорбируют резкий приток населения в города, как это случилось в девятнадцатом веке в Европе. Этого, однако, не происходит в настоящее время. Городское население развивающихся стран увеличилось в разы, но выживает оно, занимаясь мелкой неформальной и ненадежной работой, не включаясь в структуры формальной занятости. Невидимая на фотографии, эта женщина – представитель растущей во всем мире армии прекаритетных работников. ■